

Надежда Смирнова

Я ВЕРНУЛАСЬ, ГОСПОДИ!

рассказы о церкви



ПРАВОСЛАВНАЯ
СЕРИЯ

Надежда Борисовна Смирнова
Я вернулась, Господи! (сборник)
Серия «Религия. Рассказы о поиске Бога»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6893984
Надежда Смирнова. Я вернулась, Господи: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-70939-7

Аннотация

Какие испытания уготованы нам свыше? Все ли из них мы в силах преодолеть в одиночку? Именно этими вопросами задается Ирина, героиня повести «Бог выбрал женщину». Непростые повороты судьбы приводят женщину к отчаянию, и она все чаще ищет утешения на дне рюмки. Однажды в руки Ирины попадает маленькая иконка Спасителя, подаренная соседом. С ее появлением многое изменяется в жизни женщины. Ей кажется, что кто-то незримо направляет ее к источнику света.

Допущено к распространению Издательским Советом Русской Православной Церкви,
ИС 14-401-0059

Книга издана при участии прихода храма Святого Духа Сошествия на Лазаревском кладбище г. Москвы

Содержание

Бог выбрал женщину	4
Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	26
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	37
Глава 10	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Надежда Смирнова

Я вернулась, Господи

Бог выбрал женщину

Пролог

Замок опять не открывался. Ирина дергала ручку, крутила ключ, вытаскивала и вновь вставляла его. Дверь не поддавалась. Прижимая сумку к груди, она зло пнула дверь ногой и позвонила соседу. Он давно жил один, работал, кажется, на рынке, а до этого был большим человеком. Говорили, что на заводе его ценили, не раз награждали и орденами, и путевками на курорты. А вот жизнь эта подлая все переломала, перекорежила и продолжает корежить хороших людей, безжалостно выплевывая их с перекушенными позвонками. Васильев один из них.

Едва увидев Ирину, он тут же вышел в общий коридор и склонился у двери ее квартиры, пытаясь справиться с замком. Ирина просила его о подобной помощи с определенной регулярностью, и оставалось только удивляться, почему она до сих пор не сменила замок.

Глядя на спину соседа, Ирина нетерпеливо переступала с ноги на ногу. Устала. Хотелось быстрее оказаться в уютном полумраке кухни, налить в любимую чашку горячего чая и смаковать обжигающий душистый напиток, отрешенно глядя в окно. А тут замок заело, как назло. И Васильев что-то копается слишком долго.

– Сегодня в церкви был, – словно невзначай произнес сосед, как бы ни к кому не обращаясь. – Как хорошо на душе, будто с Богом поговорил.

Раздраженно дернув плечом, Ирина хмыкнула. Какая церковь? Какой Бог? Ей бы проблемы Васильева. У Ирины вот совершенно нет времени ходить по таким местам.

Ко ли услышав ее недовольное покашливание, то ли почувствовав нервозность Ирины, сосед еще больше ссутулился, пытаясь определенным образом провернуть ключ. Наконец дверь распахнулась.

– Спасибо. С меня причитается. – Ирина произнесла дежурную фразу, вспомнив, что так ни разу не отблагодарила Васильева как следует.

«Завтра куплю ему конфет», – твердо пообещала она себе, направляясь в квартиру.

– Погодите минуту, – немного виновато попросил Васильев и как-то боком, неловко проскользнул в свою дверь.

Затем он вышел и протянул Ирине маленькую картонную иконку.

– Вот в храме батюшка раздавал. А мне почему-то две вручил. Я подумал, может быть, вам, Ирина, пригодится, – сосед улыбнулся быстрой стеснительной улыбкой и шагнул за порог.

Растерянно покрутив картонку в руках, Ирина прошла к себе и уже за чаем, прислонив икону к сахарнице, принялась пристально разглядывать ее. Спаситель, изображенный на бумаге, смотрел на Ирину внимательно и серьезно. И почему-то становилось от этого взгляда тревожно. В семье о вере и вообще религии говорили мало. Иногда только, вздохнув, мама упоминала слова из молитвы. Что-то вроде: «Господи, помоги».

Но Ирина, воспитанная на традициях пионерии и комсомола, отвергающих существование Бога, недовольно отмахивалась или шутила, называя маму «дремучей». Икон в доме не водилось. И этот бумажный образ являлся, по сути, для Ирины первой близкой встречей с неведанным и немного загадочным для нее Господом. В последнее время многие газеты и

журналы писали о вере, о чудесах и старцах. Перестройка в политике сыграла свою роль: общество жадно впитывало знания, которые раньше были недоступны. Как правило, Ирина такие публикации в прессе пропускала, но то, что долетало до ее ушей из разговоров сослуживцев, заставляло изумляться, недоумевать и сомневаться.

Сейчас же, чем дольше Ирина всматривалась в лик Спасителя, тем сильнее ей хотелось поговорить с Ним. Потому как многое, что казалось еще вчера благополучием, в этот момент стало неправильным и жалким. Чем объяснить это, Ирина не знала, но сердце подсказывало: это знает Бог.

Тихонько встав, она перенесла икону в спальню и поставила на полку над кроватью. Ей хотелось двигаться неслышно, на цыпочках, она ощущала чье-то незримое присутствие, и сердце стучало и стучало беспокойно. Новое душевное состояние вызывало смятение и даже испуг.

Пытаясь скинуть наваждение, Ирина потрянула головой.

– Ерунда какая, – сказала громко, зажигая во всех комнатах свет.

Она включила телевизор, полностью погружаясь в сюжет очередного легкомысленного сериала. Даже засмеялась громко над пафосной и неискренней игрой актеров. Потом долго читала перед сном, забыв о глазах Бога и о своем порыве поделиться с Ним сокровенным. Не вспомнила и наутро. Но Ирина не предполагала, что теперь она будет обращаться к Господу как к некоему мерилу своих поступков и начнет чувствовать Его помощь. Не сразу и не вдруг. Спотыкаясь и падая, разбивая коленки в кровь, противясь Божьей воле, пытаясь все сделать по-своему. Но, видимо, не случайно пошел Васильев в тот день в церковь. И не просто так священник дал ему две иконки. А потом сосед выбрал Ирину, чтобы отдать ей одну из них. Нет, не Васильев выбрал. Бог!

Глава 1

Ирина росла удивительно счастливым ребенком. Любящие родители души в ней не чаяли, но не испортили этим девочку. Их любовь и душевная теплота открывали в Ирочке все новые и новые грани: умница, всегда вежливая, воспитанная, увлекающаяся живописью, литературой, имеющая незаурядный музыкальный слух, Ирочка могла легко разговорить собеседника, увлечь своей идеей.

А уж идей у нее было не занимать: веселые игры, домашние постановки, прыжки с крыши деревенского сарая в сугроб. В минуты вдохновения или веселья ее крупное, с большим ртом лицо становилось необычайно привлекательным. Глаза горели, румянец пылал на щеках, а улыбка была такой искренней, что не любить ее было просто невозможно. Светленькой, голубоглазой девчушкой с милыми ямочками на щеках, взлетающей надо лбом волнистой челкой хотелось восторгаться и называть уменьшительно-ласкательным именем. Что, впрочем, многие с превеликим удовольствием и делали.

Ирочка ходила в художественную школу. Преподаватели прочили ей прекрасное будущее. Она замечательно рисовала, ей легко давались наброски с натуры, портреты. Девочка тонко чувствовала цвет, и многие ее работы вызывали восхищение цветовой палитрой и умело схваченным сюжетом.

Несмотря на незаурядный талант и выдержав нешуточное сопротивление родителей, после школы Ирина пошла в университет, на филологический – любовь к литературе перевесила. Правда, рисовать не бросила, но делала это уже не с таким желанием, только под настроение. Очень часто начатая работа по несколько месяцев пылилась на шкафу, ожидая очередного Ирочкиного вдохновения.

В университете Ирина закружилась в вихре общественной работы. Комсорг группы, член литературного кружка, активный участник художественной самодеятельности. Очень скоро Ирочку знали все: от доцента до гардеробщицы.

Училась она легко, в зачетке одни пятерки. Ей нравились и преподаватели, и лекции. Все было ново, интересно. Иногда Ирочка взбрыкивала, как называла это мама, и могла сбежать с лекций. Особенно когда шалая весна кружила голову, а однокурсник Костик без конца писал ей записки-признания, и она находила их в самых неожиданных местах: в капюшоне куртки, в пудренице, в перчатках. Когда они срывались с занятий и, не сговариваясь, ехали в Филевский парк, где до одури качались на качелях, обедались мороженым, целовались в укромных местах, а потом брели домой, уставшие, промокшие и счастливые.

Уже учась на третьем курсе, Ирочка встретила его. Высокий темноволосый юноша стоял в университетском коридоре, окруженный толпой восторженных парней и девчонок. Он о чем-то весело рассказывал им, заразительно смеялся, и только темные, с прищуром, глаза оставались почему-то серьезными.

– Кто это? – поинтересовалась Ирочка у Светки, своей подружки, с которой они дружили с первого курса.

Света отличалась дружелюбным характером, у нее всегда можно было перехватить двадчатку до стипендии. Кроме того, Светка обладала завидной способностью: она всегда все обо всех узнавала первая.

– Ты что? – жарко зашептала она в ухо Ирочке. – Это же Лешка с археологического, брал академку, сейчас вернулся. В него все девчонки влюблены.

– Свободен?

– Да вроде бы встречался с Танькой. Она на историческом учится. Да ты ее знаешь, такая маленькая, симпатичная.

Ирочка вспомнила миниатюрную Татьяну. Про нее говорили, что она с детства профессионально занимается танцами. Оттого походка у Татьяны была на редкость грациозная, как бы летящая. Всегда идеально накрашенная, с модной стрижкой, она вызывала зависть всех девчонок на курсе. А точеная фигурка, идеальные ноги и соблазнительный бюст делали ее популярной среди мужской половины университета.

Ирочка скривила большой рот, стараясь отогнать наплывшую невесть откуда на глаза пелену. Потом решительно раздвинула толпу студентов и задала Алексею на редкость глупый вопрос:

– Ты петь умеешь?

Алексей удивленно уставился на странную девчонку и только хотел открыть рот, чтобы ответить, как она, резко повернувшись, исчезла.

Ирина, закрывшись в туалете, плакала злыми слезами, ругая себя на чем свет стоит: и за свой дурацкий вопрос, и за то, что опозорилась теперь перед ребятами, а главное, за то, что вряд ли теперь она сможет когда-нибудь подойти к этому красавцу.

Ей осталось теперь заботиться, как мышке, в норку и не попадаться ему на глаза.

Алексей нашел ее сам. Через неделю, выходя из аудитории, Ирочка увидела его, стоящего у окна. Встретившись с ней глазами, Алексей улыбнулся, махнул Ирине рукой и, подхватив ее сумку с книгами, пропел:

– Милая моя, солнышко лесное...

Ирина засмузилась, не зная, что ответить, а он, не давая ей опомниться, сообщил:

– Бежим, у меня два билета в «Планету». Сеанс через полчаса.

Потом Ирина как ни пыталась, так и не могла вспомнить название фильма. Она сидела рядом с Алексеем, и ее трясло как в лихорадке. Когда погас свет и Алексей взял ее за руку, она явственно ощутила, что потолок надвигается на них. Она закрыла глаза – и все: Ирина отключилась настолько, что ей казалось, будто эти жаркие объятия и поцелуи, и его рука у нее на коленях – все это происходит не с ней, Ирочкой Колесниковой, а с какой-то другой девчонкой, которая и не живет в этом мире вовсе, а прилетела сюда с далекой неизвестной звезды. А Лешка, конечно же, не студент московского вуза, а герой увлекательного красивого романа, который ей давала читать Светка, и они вместе с ней рыдали над страстной трагической любовью романтических героев.

Жизнь закружила Ирочку в радостном калейдоскопе. Она хохотала без причины, дурачилась, казалось, не ходила, а парила, излучая счастье и любовь. Иногда она ловила устремленный на нее грустный взгляд Костика. Но поделаться с собой ничего не могла. Алексей затмил для нее всех.

Они бегали с ним в кино, а чаще всего по студенческим вечеринкам. Ирочка знала всех Лешкиных друзей, а так как веселые посиделки и праздники устраивались довольно часто и подчас затягивались за полночь, Ирина часто оставалась ночевать или в общежитии у подружек, или у Алексея.

Мама, конечно, была недовольна, не раз выговаривала Ирочке, иногда дело доходило даже до скандалов. Несколько раз Ирочка приходила домой под утро и, мягко говоря, не совсем трезвая. Родители пытались урезонить ее, отказываясь узнавать в этой потерявшей себя от счастья и творившей глупости девушке свою дочь.

А Ирочка, действительно, будто переселилась на другую планету, она жила только Алексеем, со страстью отдаваясь своему чувству. По-другому она просто не умела. Ирина с восторгом смотрела на Алексея, все его предложения – от прогулки по парку до очередной вечеринки – принимала безоговорочно. Она привыкла к тому, что каждая такая встреча с друзьями заканчивается попойкой, привыкла и сама выпивать. Сначала понемногу, позволяя себе одну-две рюмки вина, а однажды, подражая Алексею, лихо опрокинула стакан водки. Ей стало плохо, и Алексей трогательно ухаживал за любимой: подавал воды, мочил виски

мокрым полотенцем, без конца целуя пульсирующую жилку на шее. Ирина не отпускала Лешкину руку ни на минуту. Ради этого она могла не задумываясь выпить еще хоть целую бутылку водки.

В конце учебного года, когда летняя сессия осталась позади, Алексей был включен в состав археологической экспедиции, которая собиралась отправиться на раскопки в Крым. Ликованию Алексея не было предела. Ирочка, конечно, тоже была рада за него. Однако и грустила, понимая, что им предстоит хотя и недолгая, но разлука.

Алексей устроил грандиозные проводы, они гуляли всю ночь. Пили, танцевали, опять пили. Ирочка не отходила от Лешки ни на шаг.

– Обещай, что будешь писать каждый день, – шептала она, прижимаясь к милому и с надеждой заглядывая в глаза.

– Конечно, – беспечно отвечал Алексей.

Ирочка ждала первое письмо две недели. Она вся извелась, похудела, каждый день с надеждой заглядывая в почтовый ящик.

– Ирочка, возьми себя в руки, – просила мама, с тревогой глядя на дочь. Ирочка молча поднимала на нее свои бездонные глаза, в которых читалась тревога, любовь, неуверенность и надежда.

Когда долгожданное письмо наконец-то пришло, Ирочка долго не могла открыть его – руки тряслись.

Письмо оказалось коротким и деловым. Устроился, копаем, пока не нарыли ничего интересного. Погода хорошая, много купаемся, устаю. Ни слов любви, ни нежности, как будто Алексей писал не любимой девушке, а сухой отчет о проделанной работе. Но Ирина была рада и этому, читала и перечитывала скупые строки, находя объяснение такому сдержанному письму в его усталости и занятости.

– Ирина, очнись, приди в себя наконец, неужели ты не понимаешь, что он не любит тебя, – мама говорила жестко, надеясь, что это встряхнет дочь, заставит ее задуматься.

– Леша меня любит, – на все мамины доводы отвечала Ирочка.

Письма по-прежнему приходили редко и были такими же короткими и неласковыми. Она не знала, что и думать. Но еще больший удар ждал Ирину впереди.

В один из дней Ирочка поняла, что беременна. Вначале эта догадка повергла девушку в шок. Казалось, на нее опрокинули целый ушат ледяной воды. В душу заползали растерянность и жуткий страх. Почти неделю Ирина ходила сама не своя, чем необычайно беспокоила домашних.

– Что, опять не пишет? – допытывалась мама. – Пора уже привыкнуть к этому и... успокоиться.

Отворачиваясь, чтобы скрыть слезы, Ирина молчала. А ночью, уже не таясь, плакала в подушку. Алексей не писал, и Ирина подумывала, что пора рассказать о своем положении маме, как вдруг спасительная мысль мелькнула у нее в голове. Ирочкино настроение сразу же переменялось.

Она летала по квартире, целовала маму, готова была обнять весь мир.

– Ты с ума сошла, – мама схватила за сердце, когда Ирина объявила о своей беременности. – Вы не расписаны, и потом, ваши отношения... – Мама просто не находила слов. А Ирочка повторяла без конца:

– Все будет хорошо, теперь все будет хорошо. Вот увидишь.

Она настрочила Алексею длинное письмо и теперь каждый день бегала к почтовому ящику. Ответа не было. Алексей не писал, не звонил, и Ирочка не знала, что делать. Она написала еще несколько писем, в надежде, что Лешка не получал предыдущие.

Ирина совсем растерялась, не зная, кому рассказать о своем положении. С мамой ей говорить не хотелось, все, что она скажет, Ирочка знала наперед. Видеть ехидные Светкины глаза тоже не могла.

Измучившись, Ирочка решила все рассказать Костику. Ей было все равно, что он мужчина, что любит ее без оглядки, а потому Ирочкины признания Костику будет слишком больно слушать. Но безысходность, страстная любовь к Лешке и невыносимое чувство ревности настолько истомили ее, что Ирочка решила наплевать на условности, позвонила Костику, договорилась о встрече и теперь ждала его на скамеечке в парке. От нетерпения пришла на полчаса раньше и вся извелась, пока считала минуты до прихода друга.

Костик примчался с букетиком цветов, осторожно присел рядом с Ирочкой и, не сводя с нее влюбленного взгляда, приготовился слушать.

Все время, пока Ирина говорила, он молчал, изредка поглаживая ее по руке. Когда она высказалась, улыбнулся:

– Рожай, Ирочка.

Ирина гневно зачастила, от волнения проглатывая слова. Да как он может так говорить, ведь Лешенька не знает об Ирининой беременности, от него ничего нет, скорее всего, до него ее письма просто не дошли. Вдруг он не захочет, да и ей одной как же с ребенком. Это же тяжело: плач по ночам, грязные пеленки, а главное, впереди два года учебы.

– У тебя есть мама, она поможет, – возразил Костик и, немного помолчав, смущенно добавил: – И я есть.

– Мама с самого начала была против наших отношений с Алексеем. – У Ирины задрожал голос от близко подступивших слез. – И вообще, что ты в этом понимаешь? Я думала, ты меня поддержишь, а ты...

Она резко встала, отбросила непослушную прядь со лба.

– Если от Лешки в ближайшее время не придет письмо, – решительно заявила она, – я сделаю аборт, пока еще сроки не ушли.

Ирина произнесла эти слова, и ей стало страшно. За еще не родившегося малыша, за себя. И почему-то за Костика. А Костик гладил ее по голове, нежно прикасаясь к пушистым волосам. Ирина отпихивала его руку, злилась, а Костик никак не хотел отпускать ее, шептал что-то нежно и ласково.

Дома мама молча подала Ирине телеграмму. Ирочка прочла, повернулась и вышла. Мама было кинулась за ней, но Ирочка через плечо шикнула на мать и ускорила шаг.

Что происходило в последующие пять дней, Ирина помнила смутно. Она пила в подворотне вонючий портвейн с какими-то грязными, оборванными, дурно пахнущими людьми, которых и людьми-то назвать было трудно. Ночевала в подвалах, переходя из одного в другой. Ее лапали жирными, сальными руками, пытались целовать беззубыми, вонючими ртами – она не ощущала ничего. Ирина пила то, что ей подносили. Ничего не ела, спала урывками и опять пила.

На шестой день ее нашел Костик. Ирина лежала на грязном топчане в подвале соседнего дома, рядом храпела пьяная жирная тетка. Ирина не шевелилась. Она смотрела, не мигая, в потолок, под глазами залегли синие тени, губы потрескались. Спутанные, давно не чесанные волосы свисали клоками.

Костик подхватил ее на руки и, совершенно безучастную ко всему, принес домой.

Мама плакала, отец заперся в кабинете, и оттуда доносились его частые нервные шаги.

Глава 2

Ирина молчала почти месяц, не отвечала на вопросы матери, смотрела на Костика невидящими глазами, отказывалась от еды. Она подолгу не вставала с постели, почти не спала, и только отец мог заставить ее выпивать немного куриного бульона.

Ирина целыми днями лежала в комнате, укрывшись пледом, и не могла ни о чем думать. Только текст Лешкиной телеграммы огненными буквами горел у нее в воспаленном мозгу: «Я женился». Казалось, что горячие слезы наполняют ее всю, от макушки до пяток, но соленая влага почему-то не выливалась наружу, а жгла душу до тех пор, пока Ирина не вставала и, достав припрятанную бутылку, отпивала несколько глотков. Только тогда она могла забыться коротким сном.

Отец оформил в университете академический отпуск, а затем перевел дочь на заочное отделение.

Через семь месяцев Ирина родила мертвого мальчика. Мать успокаивала ее, украдкой вытирая слезы. А Ирина будто окаменела, ни одна слезинка не вылилась из глаз. Лежала одна в больничной палате, безучастно глядя в потолок. Сердобольная нянечка после долгих уговоров принесла ей бутылку водки, и Ирочка выпила горькую жидкость в туалете прямо из горлышка, ничем не закусывая. Пила, пытаясь забыть и свою любовь, и свою непутевую жизнь – поломанную и исковерканную, – и маленького несчастного малыша, в смерти которого виновата только она.

Целый год Ирина восстанавливала силы. Отец купил дочери путевку в дом отдыха в Подмосковье. Поехала с неохотой, но ей неожиданно понравилось. Она много гуляла по живописным окрестностям, даже сделала несколько эскизов. Часто уходила к озеру, которое было расположено недалеко от дома отдыха. Подолгу сидела на берегу, смотрела на спокойные воды, понемногу оттаивая душой.

Ни с кем из отдыхающих Ирина так и не смогла сблизиться, поэтому большую часть времени проводила одна. Несколько раз приезжал Костик, привозил фрукты, сладости, испеченные мамой пироги. Несмотря на тяжелые переживания, Ирина оставалась привлекательной женщиной, и на нее засматривались мужчины. Но эти взгляды оставляли ее равнодушной. Еще не перегорела в душе любовь к Алексею, любовь пополам с болью от его предательства.

Бывали дни, когда на Ирину нападала невыразимая тоска, она не могла никого видеть, ни с кем разговаривать. Ощущала почти физически душевную боль. Когда она шла в магазин, покупала водку и, запершись в комнате, пила, пока хмель не позволял забыться и уснуть. Ирочка понимала, что это ненормально, что так не может поступать интеллигентная, уважающая себя женщина. Знала, конечно, что мама давно обо всем догадывается, но молчит, хотя страдает невыносимо. Для нее было очевидно, что до страшной болезни, именуемой алкоголизмом, всего один шаг, а женщины спиваются почему-то быстрее мужчин. Осознавала, беспокоилась, но поделать с собой ничего не могла, а скорее всего, не хотела, успокаивая себя тем, что, когда все забудется, уйдет из души, тогда и бросит она эту проклятую привычку.

Окончила университет Ирина неплохо, прекрасно защитила диплом. Но тут грянула перестройка. Работу найти было невозможно. В школах платили мизерную зарплату. Несколько месяцев прошли в поисках. Наконец Ирине удалось получить место учителя литературы, да еще подрабатывала частными уроками рисования.

Несмотря ни на что, работа Ирине нравилась, да и ученики как-то сразу полюбили ее. Она была строгой, но могла к месту и пошутить, а то и подколоть ребят, хотя никогда не унижала их. С коллегами Ирочка поддерживала ровные дружеские отношения, но ни с кем

особенно не сближалась, держалась особняком. Кем не менее ее уважали, знали, что в любой момент придет на помощь, поддержит.

Скоро стало очевидным – Ирочка замечательный специалист. На открытые уроки к ней собирались многие учителя из школ района. Она умела грамотно и доходчиво подать материал, используя в работе различные методики проведения уроков, применяла психологические игры, что тогда было внове и только входило в практику преподавания. Уроки у нее всегда проходили шумно, интересно и приносили Ирочке неизменное удовольствие.

Работа поглотила Ирину полностью. Она делилась опытом, вела литературно-музыкальную гостиную, писала яркие статьи в вечернюю московскую газету и даже пару раз выступила на районной учительской конференции.

Мама была довольна. Теперь, по крайней мере, Ирочке было чем заняться. Дети, школа, Ирина даже достала свой мольберт и иногда делала неплохие зарисовки. Казалось, с прошлым покончено навсегда. Правда, от своей привычки выпивать Ирина так и не избавилась. С нетерпением ждала выходных, чтобы в пятницу приобрести бутылку водки, всячески скрывая от родных свое пристрастие.

В августе умерла бабушка, мамина тетка. Родственников у старушки, кроме Ирочкиных родителей, не было, и квартира в Кузьминках была завещана им. Отец сделал довольно выгодный обмен, поближе к их району, и Ирочка перебралась из просторной родительской квартиры в крохотную двушку.

Конечно, мама не сразу согласилась на этот вариант.

– Может, будем сдавать? – робко предложила она.

– Мама, не волнуйся. Я знаю, о чем ты беспокоишься. Со мной будет все в порядке.

Ирочку поддержал отец.

– В конце концов, – сказал он твердо, – у нашей дочери должна быть личная жизнь.

Как Ирочка стала жить самостоятельно. Хотя мама продолжала всячески опекать ее. То пирог испечет, то пельменей налепит на ужин. Ирочка упрячилась, ей хотелось все делать самой, но потом махнула рукой. В конце концов, школа отнимала много сил и времени, и мамины ватрушки оказывались как нельзя кстати.

В конце октября Ирина получила неожиданное приглашение от заведующего районным отделом народного образования.

Павел Григорьевич Митрофанов ждал ее у себя в кабинете к пятнадцати часам. Цель этого приглашения его секретарша не сообщила, и всю дорогу до района Ирина терялась в догадках, зачем она понадобилась Митрофанову. Знакомы они с ним не были. Кажется, он пару раз бывал у них в школе, но Ирочка его не видела, заврайоно в основном общался с директрисой.

Павел Григорьевич принял ее учтиво, сам встретил у двери, проводил к столу, предложил чаю. Ирочка отчего-то засмущалась, щеки зарделись алыми маками. Она без конца закрывала и открывала замок сумочки, не зная, куда деть руки.

В последнее время Ирочка удивительным образом преобразилась. Из глаз исчезла безысходная тоска, отросшие волосы она закалывала наверх, открывая лоб и виски, отчего лицо казалось молодым, почти юным. И даже большой рот не портил впечатления, а, наоборот, придавал Ирочкиному облику необъяснимый шарм и привлекательность. Смущение очень шло девушке. Она сразу делалась беззащитной и от этого желанной.

Митрофанов долго молчал, прихлебывал чай, внимательно вглядываясь в Ирочкино лицо. Все еще волнуясь и стараясь не смотреть на заведующего, Ирочка, однако, заметила его холеные красивые руки, зачесанные назад густые, выющиеся волосы, волевой подбородок. Костюм был явно куплен в дорогом магазине или сшит на заказ. Ирочка улыбнулась, наблюдая, как Павел Григорьевич вытягивал трубочкой губы, когда хотел отпить из чашки горячий чай, отчего глоток у него получался какой-то булькающий и громкий.

Заметив ее улыбку, Митрофанов обескураживающе улыбнулся и взглянул на Ирочку. От этой улыбки, сразу преобразившей его лицо, Ирочкино волнение куда-то исчезло, она фыркнула, и через секунду оба уже заразительно смеялись.

На этой веселой ноте и шел дальнейший разговор. Павел Григорьевич хвалил Ирочку, ее методику преподавания, умение применять новые разработки на практике. Коснулся и ее необычайных талантов: музыкальных, художественных, литературных. В конце своей хвалебной оды, когда Ирочка, опять засмущавшись, пыталась возразить ему, Павел Григорьевич сказал:

– Знаете, Ирина Васильевна, мы ведь хотим перетянуть вас к себе, в районо. В методический отдел требуется специалист, ну и кто, как не вы, поможет нашему учительству работать более творчески. Коллектив у нас небольшой, очень дружный. Я думаю, получится у вас как нельзя лучше. Опыт у вас накоплен немалый, да и с людьми ладить умеете.

Ирочка растерянно заморгала, не зная, как отреагировать. Честно говоря, такого предложения она не ожидала и не была готова ответить на него сейчас. Нынешнее положение Ирочку вполне устраивало, что-либо менять в своей жизни ей не хотелось. А ведь известно, что новая работа – это и новые привычки, и новые люди, и совсем другой круг обязанностей.

Договорились, что через неделю Ирина заедет к Митрофанову с готовым ответом.

– Рассчитываю только на ваше согласие, Ирина Васильевна. Да и в зарплате вы выиграете, – на прощание сказал Павел Григорьевич, галантно распахивая двери.

По дороге домой, прокручивая мысленно весь разговор с Митрофановым, вспоминая его обаятельную улыбку, ласковые глаза, Ирочка уже приняла для себя решение.

Забегала в магазин. Быстро оглядела полки: так, перемороженная рыба – ничего, сойдет, можно потушить с лучком и со сметаной. В корзину отправилась банка килек – Ирина любила макать в томатную жижу хлеб. Вслед за кильками положила кусок «докторской». В винном отделе Ирочка добавила бутылку «Столичной». Сегодня пятница, так что можно и расслабиться.

Ключ, как всегда, долго не поворачивался в замке, и, звоня в дверь к соседу, Ирочка который раз загадывала купить завтра же новый замок. Сосед, худой, болезненный на вид, взяв с ключом, тоже посоветовал:

– Менять вам надо замок, Ирочка.

– Да, да, – рассеянно кивнула она головой, улыбкой благодаря мужчину.

Дома вошла в тапочки и, не снимая куртки, сразу же схватила трубку телефона:

– Костик, бегом.

После смерти родителей Костик разменял свою шикарную трехкомнатную квартиру и поселился в двух шагах от Ирочкиного дома, – жертвуя хорошим районом, – в крошечной двухкомнатной хрущевке. Как перспективного ученого его оставили в университете, он защитил кандидатский минимум и теперь преподавал студентам древнейшую историю. Впрочем, Костиком теперь его называла только Ирина. Он давно уже превратился в солидного лысеющего Константина Сергеевича. Полноватого, немного неуклюжего, с добрыми и умными глазами.

До сих пор Костик был до самозабвения влюблен в Ирочку, бежал к ней по первому зову, а на получаемые гроши в день зарплаты неизменно покупал Ирочке белую гвоздику. В ответ на это она целовала его в нос, потом тянула на кухню пить чай, забывая поставить цветок в воду.

Белый цветок был у него и сегодня. Костик, запыхавшись, влетел в квартиру, тут же получил от Ирочки корзинку с картошкой.

– Помой.

– Знаю, – перебил ее Костик, – почисти, порежь и поджарь.

– Умник, – подвела итог Ирочка.

Она загремела сковородками, занялась рыбой, сунув ее под струю воды, чтобы быстрее разморозить. Отправила в рот кусочек хлеба и с набитым ртом начала рассказывать. Костик несколько раз переспрашивал, задавал Ирочке какие-то незначительные вопросы, но не оттого, что он что-то не понял, а скорее чтобы скрыть волнение и радость за Ирочку.

– Это замечательно, это замечательно, – без конца повторял он, помешивая картошку и с нежностью наблюдая за Ирочкой. Как она ловко нарежает хлеб, укладывает на тарелку красивыми кружочками колбасу, достает вилки. Костик немного нахмурился, заметив, что Ирочка поставила на стол рюмки.

– Сегодня пятница, можно, – как бы оправдываясь, зачастила Ирочка, – да и такое событие надо отметить. Ты же знаешь, что я в рабочее время ни-ни. Давай, садись. Рыба готова.

Она наполнила рюмки. И Костик встал, собираясь сказать хороший тост, о том, как он рад, что наконец Ирочка реализует себя, полностью раскроет свои таланты, вернется к живописи и, может быть, выставку организует. Но Ирочка, не слушая его, опрокинула рюмку, подхватила поджаристый кусочек картошки и тут же налила вторую.

Костик отпил совсем немного, сморщился и грустно взглянул на Ирочку, понимая, что про выставку это он загнул – Ирочка давно не рисует, а если эти пятничные вечера будут периодически продолжаться, то едва начавшаяся Ирочкина карьера может очень скоро и бесславно закончиться.

Как обычно, после третьей рюмки Ирочка начала плакать, жалеть себя, бессвязно выкрикивая имя своего обидчика, который сломал ей жизнь, растоптал любовь, бросил, нисколько не раскаиваясь в этом.

И хотя она уже плохо помнила и Лешкино лицо, и его голос, обида продолжала гореть в ней огненными буквами тогдашней телеграммы.

Костик, как всегда, суетился, отставлял от Ирочки подальше бутылку, а она, некрасиво кривя большой рот, кричала, что Костик достал ее своей заботой, что он давно уже ей надоел и не хочет она его, Костика, видеть, и пусть он катится отсюда ко всем чертям.

Костик ниже опускал плечи, шаркая тапками, шел ставить чайник. Потом волочил Ирочку до дивана, который стоял тут же в кухне, аккуратно накрывал пледом и только потом шел домой.

Шел и в который раз клялся себе не ходить больше к Ирочке, которая вновь выбросила его, как ненужную половую тряпку. Ведь вокруг столько привлекательных хороших женщин, и некоторым он даже нравился. Например, Ольга Георгиевна – их лаборантка – давно уже смотрела на Костика призывным взглядом, стараясь ненароком дотронуться до него, а как только он поднимал голову от стола, тут же звала, манерно растягивая слова:

– Ко-о-нстантин Сергеевич, хотите чаю?

Костик тут же вставал и уходил в коридор, и, хотя это было похоже на бегство, поделаться с собой он ничего не мог. Перед глазами все время была Ирочка.

Глава 3

Суббота началась для Ирочки тошнотой, головными болями и такой слабостью, что встала с постели она с большим трудом, и то только потому, что ужасно хотелось пить.

Напилась прямо из-под крана, плеснула несколько раз себе в лицо холодной водой, потом сунула руку за шкаф, нащупав там заветную бутылочку. Выпить хотелось ужасно.

Она уже ставила на стол сковородку с холодной вчерашней рыбой, когда зазвонил телефон.

– Ирина, как дела? – зазвенел в висках голос матери.

Ирочке пришлось настроиться на доброжелательную волну и, чтобы мать не догадалась о вчерашнем, рассказать ей и о Павле Григорьевиче, и о новой работе, добавив как веский аргумент, что это одобряет Костик.

Мама обрадовалась, тут же надавала Ирочке кучу советов. И как вести себя в новом коллективе, как одеваться, с кем дружить. Ирочка с тоской поглядывала на стол, с нетерпением ожидая конца разговора.

Наконец мама, прощаясь, сказала:

– Ты бы пришла завтра к нам. Отец рад будет, а я пирог испеку, твой любимый, с корицей.

– Хорошо, мамуль, я перезвоню.

С похмелья Ирочку потряхивало, и она едва дождалась конца разговора. Вздохнув с облегчением, когда мама повесила трубку, Ирочка плеснула в рюмку спасительную жидкость. Выпила, поковыряла вилкой рыбу. Немного посидела, потом налила еще. После второй почувствовала себя лучше. Переделась в старый спортивный костюм, пропылесосила ковер в гостиной, вымыла плитку в ванной, приготовила нехитрый обед и уселась с книжкой перед телевизором.

Однако совсем не читалось, буквы сливались в темную массу, и какая-то мысль, ухватить которую за кончик Ирине так и не удавалось, сверлила мозг. Мысль эта вызывала беспокойство, тревожила душу, и Ирочке поскорее хотелось от нее избавиться. Озноб пробежал по телу, и Ирочка прошла в спальню за пледом. Бумажная иконка тут же попала ей на глаза. Бог смотрел на нее, как и в тот раз, внимательно и печально, и мысль, которая совсем недавно убегала от Ирочки, вдруг оформилась в ясное понимание абсурдности и неприемлемости ее поведения.

– Пить нельзя. Это плохо закончится, – повторила Ирина вслух то, что сидело у нее в голове. Порыв ветра, ворвавшись в открытую форточку, зашевелил шторы, заиграв солнечными бликами по стенам. Образ Спасителя посветлел, словно одобряя вывод, сделанный женщиной.

Неожиданно разозлившись, Ирочка сдернула с кровати плед. От резкого движения воздуха иконка упала ликом вниз.

– Вот и пусть, – желчно выкрикнула Ирочка и выскочила из спальни.

Она пододвинула к дивану журнальный столик с закуской, время от времени наливая себе по чуть-чуть. Много нельзя. Завтра воскресенье, а в понедельник на работу, и выглядеть надо соответственно. А если перебрать, за день можно и не выходиться, и тогда лицо сразу же выдаст тебя. Об иконке, так и оставшейся лежать на полке, она старалась не думать, заглушая мысли громкой музыкой или очередной рюмкой водки.

Ближе к вечеру позвонил Костик.

– Как ты? – осторожно спросил он.

– А ты? – разозлилась Ирочка.

Костик долго молчал, сопел в трубку, наверное, соображая, обидеться ему или нет. Потом, видимо, решил, что не стоит.

– Ты знаешь, мне тут приятель предложил два билета на «Щелкунчика», на завтра. Пойдем?

Ирочка завизжала от восторга. Театр она обожала, а эта постановка была одной из ее любимых.

С сожалением посмотрев на оставшуюся водку, она решительно убрала бутылку за шкаф. Нельзя. Иначе лицо завтра не «сделаешь».

Все воскресенье пролетело в хлопотах. Ароматическая ванна – раз. Ирочка нежилась в ней, пока вода не стала остывать, а тело, казалось, приобрело невесомость. Маникюр – два. Конечно же, лак не должен быть очень ярким, но обязательно гармонировать с платьем. А вот платье-то как раз Ирочка и не выбрала.

Она долго перебирала одежду в шкафу. Многие модели устарели, в некоторые Ирочка уже не влезала. С возрастом в теле появилась дородность, что, впрочем, ее вовсе не портило, а напротив, прибавляло обаятельности.

Ирочка остановилась на черной классической юбке и серебристой блузке. Она купила ее к первому сентября. Надела только один раз – впрочем, и некуда было. Конечно, можно было и не покупать такую дорогую вещь. Вполне можно было обойтись, да и стоила блузка дороговато. Но Ирочке она безумно понравилась. Романтический воротник с маленькими рюшами, множество перламутровых пуговичек, широкий рукав, отделанный атласной лентой в тон. А сегодня как раз такой случай, когда можно покрасоваться в обновке. Она добавила к своему наряду нитку жемчуга и, когда посмотрелась в зеркало, даже зажмурилась. Ну просто чудо как хороша.

Теперь туфли – и она готова. Но, взглянув на часы, Ирочка вздохнула: до начала спектакля оставалось еще достаточно времени.

Ой, а прическа?! Ирине пришлось провозиться больше двух часов, не зная, как лучше уложить волосы. В конце концов она зачесала их, как всегда, наверх, немного завив концы и сбрызнув лаком.

Ирочка еще крутилась перед зеркалом, когда пришел Костик. Она тут же скривила рот: ну конечно, не нашел ничего лучшего, как нарядиться в папин костюм, а рубашка и вовсе не выдерживала никакой критики, и если она не принадлежала Костиному прадеду, то деду точно.

– Послушай, – Ирочка была безжалостна, – он что, ходил в ней на баррикады?

– Кто? – не понял Костик.

– Рубашку ты мог надеть поприличней, – махнула рукой Ирочка, – это же каменный век какой-то. А галстук?! Ты что, одолжил его в историческом музее?

– Между прочим, это моя любимая рубашка, – обиженно засопел Костик, – и...

– Ладно, ладно, – примирительно проворчала Ирина, – только галстук придется снять. Ну, право же, без него лучше.

Костик, обреченно вздохнув, сунул его в карман.

В фойе театра Ирина долго рассматривала развешанные на стенах картины и фотографии, не обращая внимания на публику, и даже Костин несуразный вид перестал раздражать ее.

Не дожидаясь третьего звонка, они прошли в зал, и Ирочка окунулась в волшебный мир театра, ибо все театры мира имеют своеобразные звуки и запахи, которые очаровывают настоящего ценителя искусств и уносят его в сказочную страну грез.

Ирочка не замечала ни влюбленных взглядов Костика, ни его робких прикосновений, – она была вся там, в том мире, который притягивал ее и не отпустил до самого конца спектакля. Они еще долго сидели в креслах, хлопали, кричали «браво», и Ирочке так не хоте-

лось покидать этот волшебный мир и брести по слякоти в холодную одинокую квартиру. По пути домой они с Костиком почти не разговаривали, заново переживая удивительную игру актеров.

Глава 4

Всю неделю Ирочка пребывала в каком-то возвышенном состоянии. Буквально летала, а не ходила по школе. Каждый ее урок – как маленький спектакль. Она декламировала «Незнакомку» Блока с таким чувством, что ученики замирали в изумлении, открывая в Ирине Васильевне новые стороны ее характера. Коллеги также по достоинству оценили ее невероятно тонкое чувство юмора, которое раньше не замечали, скорее всего, из-за Ирочкиного немного замкнутого характера. Окружающие удивлялись искрящимся глазам, немного смущенной улыбке, легкой изящной походке.

– Уж не влюбились ли вы, дорогая Ирина Васильевна? – наконец не выдержала завуч школы Анна Степановна.

– Да, – просто ответила Ирочка, – я влюбилась в жизнь.

И это была правда. Поверив, что новая работа принесет ей изменения в личной жизни, Ирочка захотела в один миг избавиться от прошлого, самой вмешаться в свою судьбу и сделаться счастливой.

Уроки закончились, Ирина вышла на улицу. Ей вдруг захотелось что-то изменить в своем облике. Заметив на другой стороне улицы парикмахерскую, она зашла туда. Молодой мастер долго колдовал над ее волосами, как-то по-особому укладывал локоны, сделал ей немыслимую челку – неровную и шипаную. Но, как ни странно, и челка, и новая прическа удивительно шли Ирочке. Глядя на себя в зеркало, она увидела совершенно незнакомую женщину: яркие глаза, высокие скулы, большой, красиво очерченный рот – какая-то завораживающая красота. На Ирочкином лице отразилось ее внутреннее состояние, ожидание перемен, чего-то нового и неизведанного. Из просто привлекательной женщины Ирочка превратилась в красавицу. Она была удивлена и обрадована этим.

Выйдя из парикмахерской, она долго и бесцельно бродила по улицам, чувствуя на себе заинтересованные, призывные взгляды мужчин. От переполнявших ее чувств Ирочке захотелось петь, бежать вприпрыжку, как в детстве размахивая руками, ступать по лужам так, чтобы брызги летели во все стороны, жевать пирожок, и обязательно, чтобы повидло вылезало совсем с другой стороны, а Ирочка слизывала бы его языком, закрыв от удовольствия глаза.

Совсем неожиданно она набрела на стихийную ярмарку картин. Здесь же, укрепив мольберты, сидели бородатые, длинноволосые художники. В детстве она часто задумывалась: почему художники носят бороды, может быть, там заключена сила их таланта?

Ирочка остановилась посмотреть. Художник уверенно наносил краски на холст, и вот уже на нем проступил край серого хмурого неба, кусочек мостовой. Большой корявый тополь тянул свои черные оголенные ветки к небу. Ирочке вдруг нестерпимо захотелось взять в руки кисти. Боже, как давно она не делала этого. Развернувшись, она заторопилась домой. Едва раздевшись, Ирочка нашла на антресолях свой старенький мольберт, набор кистей, краски. Отыскался и кусок холста. Она писала свою картину до темноты, пока не устала. С непривычки заболели глаза, да и рука стала подрагивать. Ирина удовлетворенно осмотрела свою работу, закрыла холст куском темной ткани, решив, что обязательно допишет картину в ближайшие дни.

Пятницу она ждала с нетерпением. В этом ожидании сосредоточились все ее надежды на будущее счастье. Уверенность, что с новой работой придет к ней обновление всего: ее жизни, ее внутреннего мира, ее знакомых, – крепла с каждым днем.

Когда она приехала в районо, Павел Григорьевич сам провел ее в отдел кадров для оформления необходимых документов, затем любезно познакомил с сотрудниками.

– Вот ваш стол, Ирина Васильевна, – Павел Григорьевич указал на стол в углу комнаты, – я думаю, вам здесь будет удобно. Ну а в курс дела вас введет Валентина Игоревна. Как что в понедельник милости просим.

Он галантно поцеловал Ирочку руку, ласково улыбнулся, отчего сердце у нее сладко заныло. Ей стало жарко, а ноги сразу ослабели, и Ирочке показалось, что она не сможет сделать ни одного шага.

Опершись на спинку стула, она улыбнулась в ответ, затем решительно шагнула за порог и почти бегом полетела к автобусной остановке. Быстрее домой, чтобы одной в тишине все обдумать, помечтать, забившись в уголок дивана.

Как и обещала, в субботний день она решила навестить родителей. Мама обрадовалась, чмокнула Ирочку в щеку и тут же ушла хлопотать на кухню. Отец стал расспрашивать Ирочку о школе, о новой должности.

– Ты не ошибаешься, доченька, что меняешь место работы? Ведь в школе у тебя так хорошо получалось, а здесь еще неизвестно, как все будет.

– Ну что ты, папуль, – Ирина улыбнулась отцу широко и открыто. – Школу я уже переросла, а здесь и перспектива развития, ну и вообще, новые люди, новые знакомства. Да и возможности совсем другие.

– Кебе виднее, дочка, – отец, как в детстве, взлохматил ей волосы, потом притянул к себе. – Только знай: мы всегда с тобой. Надо – и поможем, и поддержим. А главное, ты должна помнить: мы тебя очень любим. – Голос у отца подозрительно задрожал, он отвернулся к окну, но Ирочка успела заметить заблестевшие от слез глаза.

Ирочкины родители поженились очень рано, еще на первом курсе института. Оба учились в технологическом, только на разных факультетах. Встретились как-то раз на институтском вечере и больше уже не расставались.

Отец души не чаял в маме, и когда она забеременела, папа был буквально ослеплен счастьем. Он без конца целовал свою Оленьку, носил на руках по комнате. Каждое утро, просыпаясь, бежал на кухню, готовил своей любимой завтрак, стараясь каждый раз побаловать ее чем-нибудь вкусненьким. Молодые жили у родителей мужа, и его мама всякий раз удивленно качала головой, когда Васенька возвращался вечером с неизменным букетом цветов.

Врачи предупреждали слишком юную маму о возможных последствиях. Вася ни о чем не хотел слушать.

– Все будет хорошо, Оленька. Ты, главное, не волнуйся.

Оленька, смущаясь и радуясь одновременно, сияя от счастья глазами, прижималась к плечу мужа, ощущая, как его сила и уверенность передаются ей.

Рожала она тяжело. Ирочка оказалась слишком крупным ребенком, и измученная Ольга смогла произвести ее на свет только через трое суток. Но, несмотря на пережитые волнение, боль, страх за жизнь ребенка и матери, оба родителя были счастливы.

Ольга, прижимая Ирочку к груди, плакала радостными слезами, без конца целовала ее в сморщенный носик, бесцветные бровки, пухлые щеки. Замирая от счастья, гладила Ирочку по редким белесым волосикам, ощупывала через пеленки крохотные ручки и ножки. Папа тоже пребывал в эйфории. Он скупал игрушки, детскую одежду, каждую свободную минуту бежал к дочери, чтобы помянуть ее и поиграть с ней.

Любовь к дочери и друг к другу они пронесли через всю жизнь. После тяжелой болезни Ольга больше не могла иметь детей. Ирочка оставалась для них как свет в окошке. Сейчас, уже будучи немолодыми людьми, Ирочкины родители продолжали любить друг друга трепетно и нежно. А визиты дочери приносили немало радости в их неспешную, размеренную жизнь.

Ирина пообедала с родителями, отведала маминого фирменного пирога и заспешила домой. Мама не хотела отпускать, уговаривала задержаться.

– На ужин пельмени будем стряпать. Помнишь, как раньше? Ты на маленьком стульчике и до стола едва дотягивалась, а все равно норовила мне помочь. Перепачкаешься, бывало, в муке с ног до головы, но так ликовала, сделав свой пельмешек, что мы и не думали тебе запрещать такую помощь, – мама улыбалась задумчиво, уносясь мыслями в то далекое время.

– Мамуль, в другой раз обязательно останусь, – пообещала Ирина.

Уже в прихожей мама отчего-то заволновалась, смешалась и еле слышно проговорила:

– Дай я тебя на дорожку перекрещу.

Перехватив поднятую мамой для крестного знамения руку, Ирина укоризненно одернула:

– Что ты? С чего? Вроде бы в Бога не веришь...

– Не верила, – согласилась мама, – да и сейчас как-то еще... Но знаешь, последнее время все чаще стала задумываться, а недавно встретила с Варварой Кузьминичной из соседнего подъезда. Посидели с ней немного на лавочке, поговорили. И она мне рассказала удивительную притчу. Ирочка, прошу, задержись на минутку, мне очень хочется, чтобы ты ее послушала. Как вот, однажды послал дьявол своих помощников чем-то навредить людям. Ну не кривись, не кривись, – заметив выражение лица дочери, Ольга Андреевна успокаивающе погладила ее по плечу. – Лучше послушай. Как вот, эти нечистые помощники и решили столкнуть трех девушек под поезд, а души неготовые, нераскаянные себе забрать. Улучили момент, когда девушки переходили железнодорожные пути, и уже были готовы исполнить свое черное дело. Только не вышло у них ничего.

– Почему? – вырвался непроизвольно вопрос у Ирочки.

– Ко же самое спросил у помощников и дьявол, – у мамы подозрительно заблестели глаза. «Сентиментальная стала», – отметила про себя Ирочка, а мама, вздохнув, продолжила: – И знаешь, что они дьяволу ответили? «Первую мы, говорят, не могли столкнуть, у нее крест на шее висел». – «Ладно, а почему вторую не скинули? У нее, знаю, креста не было», – грозно вопрошал у них старшой. «Как она, прежде чем на пути шагнуть, перекрестилась», – чуть не плачут дьяволята. «Тьфу, – зарычал дьявол, – а третья что же?» – «И у нее не сумели душу забрать. Оказалось, ее мать перед уходом из дома перекрестила».

Мама замолчала, а Ирине стало немного не по себе.

– Береги себя, – прошептала Ольга Андреевна на прощание.

На пороге Ирочка оглянулась. Мама украдкой крестила ее вслед.

Глава 5

В воскресенье Ирочка встала непривычно для нее рано, позавтракала. Впрочем, есть особенно не хотелось, поэтому она ограничилась чашкой чая и крохотным кусочком сыра. Хозяйственные дела отняли у нее почти полдня. После обеда она решила приготовить одежду для завтрашнего дня. Все-таки ей предстоит встреча с новыми для нее людьми, и выглядеть она должна безупречно.

Распахнув шкаф, она долго выбирала блузку. Ирочка решила надеть голубую, с мелкими выбитыми цветочками по воротнику. И хотя куплена она была давно, молодая женщина любила ее, как любят вещи, в которых чувствуешь себя словно рыба в воде. Кроме того, эта блузка необычайно шла к Ирошкиным светлым пушистым волосам, искрящимся глазам и, что немаловажно, сидела на ней безупречно, идеально подчеркивая красивую фигуру.

Тщательно выгладив блузку, Ирочка аккуратно повесила ее на плечики, потом еще немного полюбовалась на нее издали и встала к мольберту. Она работала с увлечением, однако, когда в дверь позвонили, быстро накрыла неоконченную картину тканью. Не хотелось, чтобы кто-то видел акварель до тех пор, пока она не завершена.

– Послушай, у меня соль закончилась. Дашь немного? – просунул голову в дверь Костик.

Ирина понимала, что это всего лишь предлог, Костику просто захотелось пообщаться с ней. В другой раз она бы посмеялась над его уловкой, шитой белыми нитками, и обязательно затащила почаявничать. Но сейчас Ирочке меньше всего хотелось сидеть с Костиком, болтать ни о чем, ловить на себе его влюбленные взгляды, поить чаем и ждать, когда же он наконец уйдет. Поэтому она быстро сунула ему соль, и Костик, потоптавшись в прихожей, ушел.

Еще раз с восхищением взглянув на блузку, Ирина ласково провела по воротнику рукой, ощущая ладонью прохладный мягкий шелк.

Ее неожиданно потянуло на улицу, хотя за окном моросил холодный дождь и ветер срывал с деревьев последние листочки. Ирина оделась и решила прогуляться по маленьким улочкам, вдали от шумных проспектов и толпы прохожих. Она опять набрела на бородатых художников, долго любовалась их работой, пока совсем не продрогла и не проголодалась. Уже хотела уходить, когда один из художников, без улыбки взглянув на нее, протянул кисть:

– Умеешь?

– Немного. Занималась в юности, – Ирина подошла к мольберту, вглядываясь в не законченную еще картину, и сразу оценила тщательно прорисованные косые струи дождя, мокрые деревья, тяжелые свинцовые тучи. Казалось, все это как бы давило на прохожих, и те, низко пригнув хмурые лица, стремительно бежали в теплые квартиры, к сытному ужину, неспешным семейным разговорам, любимой газете и телевизору.

Ирочка несколько раз коснулась кистью холста, и вот уже робкий солнечный лучик пробился сквозь толщину туч, несмело коснулся угла мокрого здания, заиграл в окнах разноцветными занавесками и, убегая, напоследок осветил скучные лица людей, как бы напоминая, что вслед за осенью непременно придет весна, солнце, тепло.

Бородач удовлетворенно хмыкнул, глянул на Ирочку с интересом.

– Вадим, – представился он, по-старомодному наклонив голову.

– Ирина, – Ирочка быстро кивнула головой и заспешила прочь, пряча от ветра озябшее лицо.

– Приходи, – крикнул вслед Вадим.

Вечер Ирочка провела у телевизора, хотя смысл фильма совсем не доходил до ее сознания. Удобно расположившись на диване, она думала о том, как сложится ее дальнейшая жизнь, отношения в новом коллективе. Не терпелось заглянуть немного вперед и узнать,

что ждет ее через два-три года, через пять лет. И кто знает, может, ей не придется коротать одной длинные тоскливые вечера, и здесь на полу вскоре будет возиться забавный светлоголовый малыш. А на диване рядом будет смотреть телевизор красивый сильный мужчина, удивительно похожий на Павла Григорьевича. Они будут любить друг друга, и наконец-то Ирочкина жизнь наполнится смыслом.

Вдруг вспомнив, как Павел Григорьевич пил чай, громко прихлебывая, Ирочка рассмеялась, и ей неудержимо захотелось увидеть его.

На следующий день Ирочка прибежала на работу раньше всех. В пустых кабинетах уборщица гремела ведром, с шумом отжимая тряпку.

– Ты что ж это прискакала, ранняя пташка, до начала работы, почитай, еще час.

– Да я сегодня первый день, – приветливо улыбнулась Ирочка.

– Волнуешься, значит, раз прибегла в такую рань, – подвела черту уборщица. – Ничего, все будет хорошо. Народ здесь работает хороший. Ну а меня зови бабой Катей.

– А я Ирина.

– Да нет, так не годится. Ты мне скажи, как тебя по батюшке величают, – покачала головой баба Катя.

– Да не надо по батюшке, – засмеялась Ирочка, – мне и так хорошо.

– А ты все-таки скажи, – заупрямилась баба Катя, – как отца-то кличут?

– Ох и хитрая вы, баба Катя, – шутливо погрозила ей пальцем Ирочка. – Отца моего Василием зовут.

– Хорошее имя, – удовлетворенно произнесла баба Катя и, подхватив свои ведра и тряпки, отправилась в следующий кабинет.

Вздрагивая при каждом звуке, Ирочка присела на стул. Наконец пришла заведующая методкабинетом Валентина Игоревна. Увидев Ирочку, она удивленно подняла брови:

– Уже здесь. Раненько. Ну хорошо, раз уж вы здесь, я вам все сейчас объясню.

Она сухо и деловито принялась объяснять Ирине ее обязанности, доставала и показывала папки с различными документами, давала характеристику тех школ, которые должна была вести Ирина.

Ирочка увлеченно слушала, схватывая все на лету.

Павел Григорьевич пришел часов в одиннадцать, оказывается, был в министерстве, и сразу же пригласил Ирочку в кабинет.

– Ну как? Входите в курс дела? Все понятно?

– Конечно, – Ирочка разволновалась, голос у нее немного дрожал, и, как всегда в таких ситуациях, она не знала, куда деть руки.

Павел Григорьевич провел ее в глубь кабинета, усадил в кресло за маленький журнальный столик, сам сел напротив. Ирочке показалось, что выглядит он уставшим: в уголках глаз скопились мелкие морщинки, грустные глаза прятались за шторками ресниц. Даже пиджак сидел на нем сегодня как-то мешковато.

Митрофанов провел рукой по темным с легкой проседью волосам, чуть заметно улыбнулся:

– Признаться, прошедшая неделя была для меня очень тяжелой. Проверки, отчеты, планы, посетители. Даже в выходные не удалось отдохнуть как следует.

Он внимательно посмотрел на Ирочку. Оценил и ее новую прическу, и очень шедшую ей блузку, и красивые искорки в глазах. Даже смущение было ей к лицу.

– Ирина Васильевна, – Павел Григорьевич как бы невзначай взял Ирочку за руку и так и не отпустил до конца разговора, – а не отметить ли нам ваш первый рабочий день? Я знаю одно очень хорошее кафе, здесь неподалеку. Приятный вечер гарантирую.

Ирочка зарделась, не зная, что ответить. Павел Григорьевич ей нравился. От него веяло уверенностью, он был обаятелен и галантен. Но принимать приглашение вот так, в первый же день. Да что о ней подумают сотрудники!

– Не отказывайтесь, – Павел Григорьевич поднес ее руку к губам, заставив Ирочку вздрогнуть, – в конце концов, это же вас ни к чему не обязывает. Просто дружеский ужин двух людей, у которых общая работа и... симпатия друг к другу. Я не ошибся?

Ирочка кивнула и почти бегом выскочила из кабинета.

Бесцельно перебирая бумаги на своем столе, она пыталась успокоиться, прийти в себя. Ведь уже взрослая женщина, а ведет себя как девчонка. Вон как разнервничалась, руки ходунном ходят. И из-за чего? Невинного предложения поужинать вместе с начальником. Со своего места на нее осуждающе посматривала Валентина Игоревна.

– Между прочим, – с неодобрительной усмешкой заметила она, – Павел Григорьевич женатый человек, и у него замечательный сын.

Еще ниже наклонив голову, Ирина ничего не ответила.

Дверь с шумом распахнулась, и в кабинет ворвалась – именно не вошла, а ворвалась – молодая женщина. Рыжие волосы были коротко подстрижены, глаза за стеклами очков казались огромными, щеки усеяны крупными веснушками. Ирочке показалось, что к ним в кабинет заглянуло солнце, причем солнце огромное, так как женщина была не только высокая, но и достаточно объемная, хотя и старалась широким платьем скрыть полноту. Но такая балахонистая одежда еще больше подчеркивала ее нестандартную фигуру.

Солнышко шлепнуло сумку на соседний стол и, повернувшись к Ирочке, сказало:

– Я Лида. – Широко улыбаясь, она вопросительно уставилась на Ирочку.

– А я думала, вас зовут Светлана, – пошутила Ирина.

– Ирина Васильевна, это Лидия Андреевна – ваша коллега, только она методист дошкольного отделения. Лидия Андреевна, познакомьтесь, это Ирина Васильевна, с сегодняшнего дня работает у нас, – вмешалась в разговор Валентина Игоревна, горделиво поглядывая на обеих женщин и всем своим видом давая понять, что она здесь главная.

Лида подмигнула Ирочке, выудила из своей необъятной сумки пакет с печеньями, шоколадку и яблоко.

– У англичан сейчас время чаепития, а мы чем их хуже. Как что ставлю чайник, Ирина ополаскивает чашки, а вы, Валентина Игоревна, так и быть, можете съесть пока кусочек шоколадки.

Все дружно рассмеялись, рассаживаясь вокруг Лидиногo стола, на котором, судя по пятнам на скатерти, наброшенной на столешницу, то пили чай, то обедали, то справляли дни рождения и праздники. В остальное время этот же стол трансформировался в рабочий, за которым Лидия Андреевна успешно решала поставленные перед ней задачи. Хотя, по правде сказать, она предпочитала решать их непосредственно на месте, то есть в детских садах и яслях.

Женщины пили чай, болтали; вернее, больше всех разговаривала Лида, а все остальные весело смеялись над ее шуточками. На шум несколько раз выглядывал Павел Григорьевич. Лида махнула ему рукой, присоединяйтесь, мол. Ирочка подивилась, как легко, без всякого стеснения общается Лида со всеми. Чувствовалось, что Лида была человеком веселым, дружелюбным, бесконфликтным. С такими людьми, однажды познакомившись, хочется дружить, доверять свои секреты, плакаться в жилетку. Какие, как Лида, как правило, никогда не подводили, у них всегда находились нужные слова для поддержки, и они первыми бросались на помощь.

Когда чай был выпит, Лида задорно подмигнула Ирочке – не дрейфь, мол.

Первый день прошел не очень напряженно. Посетителей было мало, только нет-нет, как бы невзначай, к ним заглядывали женщины из других отделов, чтобы посмотреть на новую сотрудницу.

В конце дня Павел Григорьевич попросил Ирочку немного задержаться. Валентина Игоревна метнула на нее неодобрительный взгляд. Ирочка обескураживающе улыбнулась ей в ответ.

Когда все разошлись, Павел Григорьевич, выйдя из кабинета, шутливо поклонившись, а затем дурачась, припал на одно колено и пригласил Ирочку на ужин.

Кафе, действительно, оказалось очень уютным, официанты безупречно вежливыми, а кухня превосходной.

Вначале пили шампанское, потом Павел Григорьевич заказал коньяк. Ирочка, давно признавшаяся самой себе в пристрастии к алкоголю, понимала, что часто одна рюмка становится роковой и ее начинало тянуть к выпивке, которая нередко длилась по нескольку дней, а по утрам отчаянно хотелось похмелиться. Она давно пропустила начало болезни, и подчас прервать запой ей становилось все трудней. И хотя Ирина гнала от себя эти мысли, стараясь думать о себе как о нормальном человеке, все-таки частенько не могла вовремя сказать себе «нет». Она дала себе слово не выпивать лишний раз, особенно держась на людях, поэтому предпочитала пить дома в одиночку. Родители тоже знали об этой Ирочкиной страсти, хотя ей долго удавалось это от них скрывать.

Как-то раз, без предварительного телефонного звонка, они случайно заехали к дочери в выходной. Мама, увидев на столе остатки закуски, закатившиеся под стол пустые бутылки, всплеснула руками. Ирочка, лежа в гостиной, слышала, как она плакала, убирая со стола. Отец молча курил в ванной. Родители уехали, так ничего и не сказав ей: Ирина была просто не в состоянии что-либо воспринимать. Но наутро отец приехал снова, и у них состоялся с дочерью жесткий, неприятный разговор. После этого Ирочка стала более осторожно относиться к выпивке, хотя тянуло к рюмке иногда ужасно, поэтому она всегда держала бутылку-другую в тайнике, за шкафом. Пытаясь оправдаться перед собой, она винила в периодических запоях свою юношескую шальную любовь, потерянного ребенка, одиночество. Много раз давала зарок прекратить выпивки, но нет-нет да срывалась, напиваясь почти до бессознательного состояния.

Предупреждающий звоночек прозвенел в голове Ирочки, как только на столе появилось спиртное. «Не буду», – подумала Ирина. Но сегодняшний вечер оказался таким неожиданно приятным, кроме того, она давно уже не ходила с мужчинами в кафе. Костик – не в счет. На сцене невысокий певец с приятным баритоном исполнял красивую песню о любви, яркий свет люстр отражался в бокалах, и сидящий напротив мужчина нравился Ирочке все больше и больше, да и она чувствовала, что небезразлична ему. «Всего одну рюмку, я так давно не пила хороший коньяк, да и что мне будет, рюмочки совсем мизерные», – пронеслось у нее в голове.

Ирина пригубила, а затем допила всю рюмку до конца. Раскраснелась, волосы немного растрепались. Она беспрерывно смеялась над шутками Павла, а затем, осмелев, сама рассказала несколько веселых историй из жизни школы, где до недавнего времени работала. Павел откровенно любовался Ирочкой, время от времени подливая ей коньяк. Все-таки женщины, когда выпьют, становятся такими очаровательными.

Павел с Ириной вышли из кафе ближе к полуночи. Ирочку переполняли чувства нежности. Она с обожанием смотрела на Павла, а он, чувствуя ее взгляд, тихонько пожимал ей пальцы, касался губами волос. Ирочка ощущала, как внутри у нее поднимаются теплые волны, сердце часто и гулко постукивает, а пальцы в руке Павла вздрагивают. Она легонько потерлась о его плечо щекой, потом охотно подставила губы для поцелуя. Ее уже не сму-

щало, что Павел женат. В конце концов, это жизнь, а таких ситуаций в жизни сколько угодно. И если любовь будет настоящей, то развестись ему будет пара пустяков.

Алкоголь подогревал грешные Ирочкины мысли, и, уже входя в свой подъезд, она оглянулась и призывно посмотрела на Павла. Но он или сделал вид, что не понял ее взгляда, или действительно не сообразил, что к чему. Махнув Ирочке на прощание, сел в машину и уехал. Ирина почувствовала небольшое разочарование, но потом подумала, что, может быть, это и хорошо, не надо торопить события.

В ручке своей двери она нашла одинокую белую гвоздику.

«Костик, – подумала Ирочка, скривившись, – наверное, приходил поздравить с первым рабочим днем».

Держа цветок в одной руке, она с трудом открыла дверь – опять заел замок. Скинула пальто и, не снимая сапог, прошла на кухню, сунула руку за шкаф. В голове что-то предупреждающе щелкнуло, но Ирочка упрямо тряхнула головой, налила водку в стакан, выпила, не закусывая, и пошла спать.

Утром она с трудом подняла голову от подушки. Звон будильника казался набатом, виски ломило, нестерпимо хотелось выпить. Только одну рюмку – и сразу станет легче.

– Нет, – решительно сказала сама себе Ирочка. Прошлепала босыми ногами в ванную, встала под прохладный душ. Ей стало немного легче. Ирина заварила себе крепкий чай, кинула туда ломтик лимона. В глаза бросилась лежащая на столе завядшая гвоздика. Как всегда, она забыла поставить вчера цветок в воду. Вздохнув, Ирочка выбросила его в мусорное ведро.

Стараясь скрыть следы вчерашнего, она долго и тщательно красилась. На это ушло лишних полчаса, но, осмотрев себя в зеркало, Ирина осталась довольна своей внешностью. Густой слой тонального крема скрыл мелкие морщинки, которые сразу проступали у нее после выпивки, серый цвет кожи стал незаметен. Румяна оживляли лицо. Ирина выбрала перламутровый розовый тон помады, улыбнулась своему отражению и направилась на работу.

Валентина Игоревна уже была на месте. Она мельком взглянула на Ирочку, холодно кивнула в ответ на ее приветствие. Ирочка подавила вздох. Все ясно, о ее вечере, проведенном с начальником, уже каким-то образом известно.

Всем своим видом выражая осуждение, Валентина Игоревна молчала, на все вопросы Ирочки отвечала односложно и неохотно. Ирина с нетерпением ждала Лиду, надеясь хоть на какую-то поддержку. Ка, как всегда, шумно ввалилась в дверь, наполнив кабинет запахами дождя, сырости, сладковатым ароматом духов. Лида сняла пальто, выудила из сумки косметичку, быстро провела по лицу пуховкой, подкрасила губы, рукой пригладила волосы и, просияв лицом, отпраповала:

– К трудовым подвигам готова.

Она зашуршала бумагами, что-то быстро строчила, копалась в папках. Ирина несколько раз проходила мимо, пыталась заговорить с Лидой, но та отвечала неохотно, уткнув нос в бумаги. Неужели и ей все известно? Но даже если это и так, Ирочка решительно не понимала, что плохого она сделала. Ну посидела вечером в кафе с Павлом Григорьевичем. Ну проводил он ее до дома. Ну и что! И уж от Лиды она такого поведения не ожидала.

Павел Григорьевич еще не пришел, наверное, поехал в какую-нибудь школу или опять застрял в министерстве. Ирина уныло сортировала инструкции, раскладывая их по конвертам. Подписывала адреса, собираясь занести после работы на почту.

Когда Валентина Игоревна ушла на обед, Лида воткнула шнур электрочайника в розетку, разложила на тарелке бутерброды, достала пакет пряников и две чашки.

– Садись обедать.

Ирина придвинула стул к Лидиному столу.

– Спасибо, только я ничего не взяла с собой, думала в кафешку сбегать.

– Каждый день в кафе – это уже слишком, – усмехнулась Лида.

Ирочка вспыхнула, на глазах выступили слезы.

– Павел Григорьевич просто пригласил меня поужинать. У нас ничего... Он хотел поближе познакомиться... – всхлипывая, забормотала Ирочка.

– Ну что, познакомились? – откусывая бутерброд с колбасой, спросила Лида. – Ладно, не хлюпи, я ведь не со зла. Только учти, шеф наш – человек несвободный, сын у него больной, инвалид детства – церебральный паралич. Конечно, шеф – мужик видный. На него многие наши заглядываются, да и он не промах, любит на стороне пошалить.

– И ты? – спросила Ирина.

– Что я? – не поняла Лида.

– Заглядываешься. – Ирине очень хотелось, чтобы Лида ответила отрицательно. Мутная волна ревности поднималась к горлу, испугав ее.

– Я ему по габаритам не подхожу, – засмеялась Лида, а Ирина облегченно вздохнула. – А вообще, Иринка, держись от него подальше. Баба у него стерва, в случае чего и скандал может закатить, да такой, что слетишь ты с этого места, как миленькая. Ну сама посуди, зачем он тебе нужен? Семью он не бросит, хотя бы ради сына, он в нем души не чает. А в твоём возрасте, прости, тебе нужен мужик надёжный, да и родить тебе надо, чтобы настоящая семья была. А Митрофанов – это мираж, миф. Ты только не злись на меня, а лучше заканчивай с ним, ни к чему хорошему это не приведет.

– Да я и не начинала, – вскинулась Ирина.

– Начала, начала уже, – погрозила ей пальцем Лида. – Теперь твоя задача от него отцепиться. Шеф запал на тебя конкретно. Только учти, слухи у нас быстро распространяются. И все тайное становится явным. Видела вас вчера одна дама из бухгалтерии и тут же вечером позвонила Валентине Игоревне, а та мне с возмущением. Но коли до жены его дойдет – берегись. Как что гони его в три шеи, если ты сама этого хочешь, конечно.

Лида пытливо посмотрела на Ирочку, но в этот момент у нее на столе зазвонил телефон. Ирина, радуясь тому, что ей не придется ничего отвечать, сняла трубку. Это был Павел Григорьевич. Он опять приглашал Ирочку в кино, она решительно отказалась. После разговора с Лидой Ирина твердо решила прекратить все личные отношения с Митрофановым, несмотря на то что ей были приятны его ухаживания, и этот его звонок, настойчивость, с которой он приглашал ее на ужин, будоражили кровь. Даже то, что она отказала ему, не испортило Ирочке настроения. Знала, что Павел опять будет искать с ней встреч. Ну что ж, отказать ему Ирина всегда сумеет. Действительно, ни к чему все это, хотя очень приятно и волнующе.

Глава 6

Вечером Ирина поработала у холста. Еще немного, и картина будет завершена. Легкая грусть поднималась в душе Ирочки, все-таки намерение не принимать ухаживаний Павла далось с трудом. Отложив кисти, Ирина решила позвонить Костику. Надо же поблагодарить его за гвоздику, за внимание к ней. Она согрела чайник, насыпала в вазу конфеты. Костик принес вафельный торт, знал, что Ирочка обожает сладости.

Ирина накрыла столик в гостиной. Они долго пили чай, разговаривали. С Костилом Ирочка чувствовала себя спокойней, защищенной, что ли, хотя и не хотела признаваться себе в этом.

Заметив в углу комнаты мольберт, Костик обрадованно спросил:

– Ты начала работать?

– Не начала, а уже почти закончила, – засмеялась Ирочка, – но не покажу, и не проси. До поры до времени. Надо кое-что доделать, все оформить как следует, заказать рамку.

Костик с восторгом смотрел на Ирочку. Боже, как он рад за нее. Естественно, он знал Ирочкину слабость и теперь надеялся, что новая работа, занятия живописью не оставят ей времени на убивающую ее привычку, вернее сказать, страсть. Костик открыл было рот, чтобы что-то сказать, но Ирочка дурашливо щелкнула его по носу и пропела:

– Уж полночь близится, пора, мой друг, пора.

Закрывая за приятелем дверь, она услышала в комнате звонок телефона. Сердце отчего-то ухнуло, покатилося вниз. Быстро схватив трубку, она услышала голос Павла:

– Это я. Можно поднимусь к тебе?

Ирочка хотела закричать «нет», но помимо ее воли губы прошептали:

– Конечно.

Это была сумасшедшая ночь. С узнаванием друг друга, с бесконечными поцелуями, нежными ласками, от которых они улетаели куда-то ввысь, не спеша спуститься на грешную землю. В перерывах между страстными объятиями они говорили обо всем на свете, пили принесенное Павлом шампанское, прямо из горлышка, и опять целовались, целовались.

Ирочке было необыкновенно легко с Павлом, ей казалось, что она знает его всю свою жизнь. Она совсем потеряла голову, чувствуя, что растворяется в нем, моля Бога, чтобы он был с ней рядом всегда.

Впервые за много лет Ирина оказалась по-настоящему счастлива, и, несмотря на правильные, в общем-то, слова Лиды и на свое твердое решение не встречаться с Павлом, Ирочка без оглядки бросилась навстречу новой любви. Она запрятала в глубь сознания воспоминания о том, каким горьким и тяжелым может быть разочарование, как трудно жить с чувством, что тебя бросили. «Нет, нет, – успокаивала она себя, – со мной это просто не может произойти. Потому что дважды такого не бывает». Ирочка почти уверила себя в этом и, откинув все сомнения, вновь и вновь отдавалась Павлу, ощущая его нежность и страсть.

Павел уехал уже под утро. Ирине удалось подремать часа два, но на работу она пришла вовремя, хотя Павел и разрешил ей появиться после обеда.

В кабинете была одна Лида. По шалым, запавшим глазам Ирины она сразу обо всем догадалась.

– Ну, мать, сдалась все-таки? – насмешливо спросила она.

– А где Валентина Игоревна? – вопросом на вопрос ответила Ирина, не желая сейчас ни с кем обсуждать свою личную жизнь.

– У нее заседание методической комиссии, потом собиралась поехать в школу на открытый урок.

До самого обеда Лида не проронила ни слова. Ирина тоже молчала. Да ей и меньше всего хотелось сейчас разговаривать. Она снова и снова вспоминала сладостные часы, проведенные с Павлом, и в душе у нее все пело и ликовало. Расставшись всего несколько часов назад, она уже скучала по Павлу, торопя следующую встречу.

Постепенно рабочий ритм набирал обороты. Посетители, в основном учителя, шли один за другим. Кому-то нужен был материал к уроку, кто-то хотел провести творческий вечер. Шли за разработками классных часов, тематических мероприятий. Ирина сбилась с ног, подыскивая необходимый материал, предлагала новые методики, что-то подсказывала из личного опыта.

– Я поехала в библиотеку, – бросила Лида, натягивая пальто, – мне книга одна нужна.

Ирочка кивнула, вздохнув с облегчением. Она надеялась провести обед в одиночестве, еще раз все обдумать и помечтать. В кафе не пошла, плеснула себе чаю, отыскала в сумочке карамельку. С удовольствием сделала глоток, откинулась на спинку стула. Ее вдруг сразу разморило, неудержимо потянуло в сон. Сказывалась бессонная ночь. Покрутив головой, как на занятиях в школьном гимнастическом кружке, Ирочка немного походила по комнате, даже вышла на несколько минут на улицу, но сонливость не проходила. Она взглянула на часы, до конца перерыва оставалось еще полчаса.

«Подремлю», – решила она, положила голову на стол и сразу провалилась в глубокий сон, не чувствуя ни жесткой крышки стола, ни неудобного стула.

Она спала так крепко, что не слышала, как вошел Павел Григорьевич. Митрофанов остановился около Ирины, положил ей руку на плечо, потом, склонившись, нежно поцеловал в макушку. Распахнув глаза, она медленно приподняла голову, удивленно оглядываясь и еще не понимая, где находится. Увидев Павла, Ирина ласково улыбнулась и, потерев ладонями лицо, чтобы прогнать сон, сказала:

– Извини, заснула.

– Ничего, – ласково проводя по ее щеке рукой, проговорил Павел, – я же сказал тебе, чтобы ты до обеда отоспалась.

– Нет-нет, нельзя. Что подумают люди? – смешно округлила глаза Ирочка.

– Они уже думают, – усмехнулся Павел, – но тебе не стоит об этом беспокоиться, работай спокойно.

Митрофанов прошел в свой кабинет, а Ирина быстро привела себя в порядок, допила остывший чай, принялась за работу.

Глава 7

Как начался ее роман, приносивший и радость, и огорчения одновременно.

Павел мог подолгу не звонить и не приходить к ней, при встрече бывал холоден, разговаривал отстраненно и официально. Когда Ирочка сникала, взгляд ее потухал, она механически выполняла работу, невпопад отвечала на вопросы Валентины Игоревны и Лиды, а вечером тихо плакала, устроившись в уголке дивана. В свой тайник старалась не лазить, хотя и тянуло выпить в такие минуты ужасно. Однако Ирина изо всех сил старалась «держать лицо», зная, что может сорваться и тогда все вконец испортить. Павел не должен ничего знать о ее болезненном пристрастии к алкоголю.

Проходило несколько дней, и все неожиданно менялось. Павел вновь становился прежним. Он мог во время рабочего дня повести Ирочку на обед в ресторан, не переставая говорить ей комплименты, на глазах у всех шел провожать домой. Часто приглашал в свой кабинет, где, сразу схватив в охапку, целовал, нежно поглаживая грудь. И Ирочка, забывая свои прежние обиды, опять готова была обнять весь мир. От плохого настроения не оставалось и следа, она не могла удержаться от смеха, и прохожие часто оборачивались, засматриваясь на счастливо улыбающуюся красивую женщину.

Мама позвонила ей однажды и без обиняков начала:

– Ирочка, пойми, ты губишь себя. Ваши отношения не имеют будущего. И поверь моему жизненному опыту, все это плохо закончится. Плохо для тебя.

– Мама, откуда ты узнала? – За этим вопросом Ирочка пыталась скрыть свое смущение и растерянность.

– Ирина, девочка моя, я прошу тебя прекратить все это, пока не поздно.

– Мама, я люблю его, – еле слышно прошептала Ирина в трубку.

– Ирочка, – мама говорила с ней тихим, мягким голосом, будто с маленьким ребенком, – ты знаешь Павла Григорьевича не так давно. А в своих чувствах порой нельзя разобраться и за много лет. Пойми, у тебя это просто влюбленность, ты слишком долго была одна. Всею виной твое одиночество и, извини, то, что с тобой случилось в юности. Дорогая моя, ты должна понять, что тебе не нужна связь с женатым мужчиной. И чем скорее ты забудешь его, тем легче тебе будет. Не давай этой своей придуманной любви перерасти в настоящую. Он никогда не бросит семью. Послушай меня, дочка, тебе ни к чему лишние переживания.

– Я люблю его, я люблю его, я люблю его, – сквозь слезы повторяла Ирочка, не слушая маму.

– Ирочка, послушай, – мама попыталась еще что-то сказать, но Ирина бросила трубку и, уткнувшись в ладони, разрыдалась.

Она плакала долго и безутешно, в глубине души понимая, что мама права, но не хотела соглашаться с ней. Павел любит ее, и придет время, когда он женится на ней. Потому что любящие друг друга люди должны быть вместе.

С трудом подавив в себе желание выпить, Ирочка быстро собралась и выбежала на улицу. И опять это бесцельное хождение по улицам до ощущения ледящего холода в душе. Ноги сами привели Ирочку к тому месту, где собирались художники. Те уже складывали свои вещи, упаковывали непроданные и недописанные картины, вытирали кисти, весело переговариваясь. Ирина отыскала взглядом Вадима и направилась к нему. Бородач упаковывал сумку, о чем-то сосредоточенно думая. Заметив Ирину, он быстро кивнул ей, потом низко наклонил голову, завозился с замком куртки. От Ирины не укрылась его нечаянная радость. Она улыбнулась, но тут же прогнала улыбку с лица.

– Что долго не приходила? – наконец-то справившись с замком, спросил художник.

– Дела.

Они перекинулись еще парой слов и замолчали, не зная, что еще сказать друг другу. Вадим испытывал неловкость и смущение. А Ирина видела, что нравилась ему. Но разговаривать не хотела. Слишком выбил ее из колеи разговор с матерью.

Художники постепенно расходились. Вадим замялся, глядя вслед уходящим товарищам, тронул Ирину за локоть:

– Ты приходи, я ждать буду.

И зашагал в темноту. Ирочка постояла еще немножко и тоже побрела домой.

Повесив куртку в прихожей, она прошла на кухню и, не включая свет, замерла у окна, отрешенно глядя на темную улицу.

Несколько раз звонил телефон, Ирочка не поднимала трубку. Боже, как ей все надоело. Мама непременно будет читать нотации, Костик многозначительно молчать, Павел... Ирина подхватила трубку, кинулась к телефону. Да что же это она, ведь это может звонить Павел. Она схватила трубку: Костик. Не отвечая, Ирочка бросила трубку. Следующий звонок был от мамы.

– Мама, потом, – не давая ей сказать ни слова, крикнула Ирина и отключилась.

Телефон надолго замолчал. Ирина была близка к истерике. Не раздеваясь, прилегла на диван, изо всех сил стараясь сдержать слезы. Не смогла.

Павел позвонил уже поздно. Ирочка принялась лихорадочно вытирать мокрые щеки.

– Я поднимусь? – спросил он.

– Да, – Ирочка почувствовала, как заколотилось сердце в груди. Голова приятно закружилась, губы непроизвольно растянулись в улыбке. Она быстро мазнула помадой по губам, сбрызнулась духами и повернула ключ в замке. Павел легко, как пушинку, подхватил ее на руки и так, на руках, внес в комнату. Осторожно опустил на диван, осыпая поцелуями.

У Ирочки полились слезы.

– Слезы отменяются, – Павел начал расстегивать пуговицы Ирочкиного халата. От него пахло спиртным, дорогим одеколоном. Ирочка крепко обняла его, забывая обо все на свете.

Потом они лежали в темноте. Ирочка дремала, положив голову Павлу на грудь, он молча курил, поглаживая Ирочку по спутанным волосам.

Уже прощаясь, Павел, притянув Ирину к себе, сказал:

– В выходные едем на шашлыки. Возражения не принимаются. Форма одежды – утепленная.

– А как же... – Ирина хотела спросить о жене, но Павел закрыл ей рот ладонью.

– Все нормально, успокойся.

В субботу он заехал за ней часов в десять, и они отправились за город. Землю уже сковало морозом, выпавший накануне снежок покрыл ее пушистым ковром.

Они долго выбирали удобное место для стоянки, потом нашли красивую рощицу.

– По-моему, то, что надо, – повернувшись к ней, вопросительно проговорил Павел. Ирочка согласно кивнула.

Не успел Павел затормозить, как Ирочка выпорхнула из машины. Набрала полную пригоршню снега, подбросила вверх, подставив лицо под холодные, покалывающие кожу снежинки. Подбежала к Павлу и его осыпала снегом. Он шутливо зарычал, Ирочка взвизгнула, стремглав бросилась убежать. Павел быстро догнал ее, повалил в снег. Делая вид, что собирается насыпать ей снега за воротник, он сурово пробасил:

– Проси пощады, боярыня.

– Пощади, господин, – жалобно пискнула Ирина, подхватив игру.

Обнявшись, они вернулись к машине. Павел занялся костром, Ирина попыталась было помочь ему, но он, шутливо прикрикнув на нее, попросил не мешаться под ногами.

– Я все сделаю сам, – подмигнув ей, сказал Павел. Ирочка, приняв обиженный вид, ушла в машину. Она пожалела, что не взяла с собой краски и этюдник. Вид здесь был потрясающий.

Любуясь заснеженным лесом, Ирина вспомнила свою студенческую юность. Они учились тогда на первом курсе, присматривались и узнавали друг друга. Предложение комсорга группы поехать в загородную прогулку на зимних каникулах все приняли на ура. В складчину купили вина, пива, немудреную закуску. Гурьбой ввалились в электричку, всю дорогу пели песни под гитару, а вышли на какой-то незнакомой станции. Сразу же за пероном начинался лес. Веселая компания нашла большую поляну, окруженную лохматыми елями. Парни кинулись собирать сухой валежник, разожгли костер. Потом пустили по кругу бутылки вина. Вскоре принесенные продукты были съедены, вино выпито. Все раскраснелись, принялись бегать друг за другом, валялись в снегу, безудержно хохоча. И, наверное, здесь, в этом заснеженном лесу, и родились первые симпатии, переросшие у некоторых в настоящую любовь. После того похода на их курсе было сыграно несколько свадеб. Вот только Ирочке не повезло.

Павел окликнул Ирину. Она на секунду зажмурилась, отгоняя воспоминания.

– Дорогая, все готово, иди, пока шашлыки горячие. И захвати, пожалуйста, сумку на заднем сиденье.

Это было восхитительно. Ирочка с удовольствием вдыхала ароматный запах жареного мяса, одновременно любуясь Павлом. Даже в смешной спортивной шапочке он выглядел очень эффектно. Ирочка проголодалась и немного замерзла. Она подошла к костру, впрочем, он уже не горел, только угли ярко светились, отдавая последнее тепло.

Ирина с Павлом ели удивительно вкусное, с дымком мясо, запивая коньяком из пластиковых стаканчиков. Тревожные молоточки все время стучали в голове Ирины, но она мысленно успокаивала себя: «Но я ведь могу не пить по несколько недель. Я ведь сильная. Ничего не случится. Завтра душ, крепкий чай, хороший макияж. И главное, чтобы об этой слабости не узнал Павел. Иначе конец всему. Он должен думать, что я нормальная женщина, которая может позволить себе иногда выпить». Ирина понимала, что если она не сумеет справиться с собой, то долго скрывать правду ей не удастся. И только надежда на свою силу воли и на силу любви к Павлу позволяла Ирине верить в счастливый конец.

Ирочка засмеялась своим мыслям, перехватив удивленный взгляд Павла. Поддразнивая его, она высунула язык. В ответ Павел легонько шлепнул ее чуть ниже спины и тут же получил подзатыльник, отчего шапочка слетела на снег. Оба расхохотались. Позади громко треснула ветка на огромной сосне. Ирочка, обернувшись, вглядывалась в темнеющий лес. Ей показалось, что чьи-то глаза внимательно следят за ней. Она вздрогнула, узнав этот взгляд. Пристальный, добрый и будто предупреждающий взгляд Спасителя с бумажной иконки. А ведь она так и не подняла ее. Ирочка зябко повела плечами. Этого ей только не хватало.

– Ты что загрустила? – подтолкнул ее Павел плечом.

– Вовсе нет, – Ирочка притопнула сапожком, отворачиваясь от сосны.

Начинало темнеть. Пора домой. Ирочка с сожалением собирала вещи, Павел прогрел машину. Перед тем как сесть рядом с Павлом, Ирочка засыпала слабо мерцающие угли снегом.

– Я хотела спросить у тебя, – начала она, когда машина тронулась, – твоя жена, она...

– Не надо ничего спрашивать, – резко оборвал ее Павел, – это мое дело, и только мое.

– Почему твое? – Ирина от обиды даже немного повысила голос. – Разве мы не... –

Она никак не могла подобрать нужного слова, поэтому запнулась и замолчала.

– Я еще раз повторяю, все мои семейные дела тебя не касаются. Это ясно? – Павел строго, без улыбки смотрел на нее.

Ничего не отвечая, Ирина отвернулась к окну. За стеклом тянулся зимний пейзаж. Павел, нахмурившись, крутил руль, Ирина тоже упорно смотрела в окно. Притормозив около ее дома, Павел взял Ирочку за руку, на минуту задержал в своей, видимо, собираясь что-то сказать. Ирина резко выдернула ладонь, сухо попрощалась и вошла в подъезд. Шедший ей навстречу мужчина торопливо посторонился. Мельком взглянув, Ирина узнала соседа по лестничной площадке и, кивнув ему, заспешила домой.

Пройдя на кухню, она быстро сунула руку за шкаф. Пусто. Придется тащиться вниз, в универсам за углом. «Успокойся, – убеждала она саму себя, – тебе уже достаточно. И потом, ведь ничего не случилось. Сама виновата, начала приставать к нему с глупыми вопросами. Он мужчина и сам все знает и решит». Но недавно выпитый алкоголь, чувство обиды на Павла гнали ее за добавкой. Как все-таки мужчины умеют испортить любую романтическую встречу.

Звонок в дверь застал Ирину уже в прихожей. Она открыла. Перед ней, неловко переминаясь с ноги на ногу, стоял сосед. Кот самый, который часто помогал ей с дверным замком. Кажется, его фамилия Васильев. Он смотрел на Ирочку какими-то умоляющими глазами, словно боялся, что она может прогнать его.

– Проходите, – Ирина распахнула дверь пошире. Сосед суетливо шагнул внутрь и молча замер посередине прихожей.

– Ну, что же вы, – затормошила его Ирина, – проходите на кухню. Я сейчас чайник поставлю.

Сосед смущенно присел на краешек стула.

– Вы уж простите ради бога. Я на минутку, уж больно дома тоскливо. День рождения у меня сегодня, а посидеть не с кем, – Васильев аккуратно поставил на краешек стола бутылку водки и выжидательно взглянул на Ирину.

– Как это не с кем? – возбужденно заговорила Ирина. – А соседи на что? Вот сейчас и отметим ваш праздник.

Она принялась доставать из холодильника продукты. Быстро резала колбасу, сыр, разбила в сковороду несколько яиц. Сполоснула рюмки.

За все это время Васильев не сказал ни слова. Вскидывая иногда на него глаза, Ирина отметила в его облике отрешенность. Словно сидя сейчас на ее кухне, сосед, тем не менее, был где-то далеко-далеко.

– Ну, за вас, – она подняла рюмку, ожидая, пока Васильев потянется со своей ей навстречу.

Не дождавшись, Ирина выпила, а он поставил стопку обратно на стол, так и не пригубив. Ирочка удивленно подняла брови.

– Вы уж не обижайтесь, Ирочка, – сосед улыбнулся ей, – не пью я. И в молодости не баловался, а сейчас и тем более. Я с вами так, за компанию посижу. Вы меня не смущайтесь. Пейте за мое здоровье. Оно мне сейчас ой как нужно.

Он подлил ей еще, немного помедлив, Ирина выпила и неожиданно для себя заплакала. Васильев гладил ее по голове, а она, всхлипывая, рассказывала ему про свои обиды, про Павла, про свою нелегкую жизнь: без любви и нежности. Он неумело успокаивал Ирочку, говорил, что все обязательно наладится, что все у нее впереди и она непременно будет счастлива. Ирочка согласно кивала, размазывая слезы по щекам.

Они сидели долго. Сосед почти ничего не ел, потом отхлебнул из рюмки совсем чуть-чуть и с грустью заговорил.

Глава 8

Боль постоянно жила в нем. Иногда Васильеву казалось, что он и родился вместе с ней. Он даже как-то свыкся с этой болью, считал ее живым существом и даже разговаривал с ней, прося утихомириться, если уж особенно злобствовала.

Васильев родился и вырос в Москве, закончил политехнический. После окончания попал на завод, очень скоро пошел в гору и считался довольно перспективным инженером. Короче говоря, голова у него варилась, и варила неплохо. Довольно быстро Васильев возглавил конструкторское бюро, многие его изобретения были запатентованы, успешно применялись в производстве.

Вскоре Васильев получил двухкомнатную квартиру, и они с женой Ларисой и маленькой Танечкой постепенно начали обживать. Платили талантливому инженеру неплохо. Они сумели купить два ковра и набор красивой чешской посуды. Целый месяц Лариска ходила отмечаться в очереди, чтобы получить польский мебельный гарнитур. Квартира постепенно приобретала уютный, обжитой вид.

На заводе Васильеву часто выдавали продуктовые заказы. А жена была на редкость умелой хозяйкой, готовила так, что пальчики оближешь. Как что из венгерской салями, шпрот и зеленого горошка Лариска накрывала шикарные по тем временам столы, разнообразя их картофельной запеканкой, неизменной селедкой под шубой и удивительно вкусными, хрустящими маринованными огурчиками.

Васильев очень любил тихие, спокойные домашние вечера. Танечка что-то рисовала, Лариска вязала очередной шедевр, ну а Васильев читал газеты или резался в шахматы с Петькой Шмелевым. Они дружили со студенчества. Петька был шалопай редкий, мог запросто удрать с занятий. Знал, что Васильев всегда выручит. Правда, после окончания института попали они на разные заводы, но дружить не перестали. Любили вечером выпить по кружке пивка или завалиться к старым студенческим друзьям в гости и просидеть за бутылкой всю ночь, споря обо всем на свете: о политике, о женщинах, потом опять о политике.

Потом все это: и работа, и устроенный быт, и стабильная зарплата – в одночасье рухнуло. Завод закрыли, и Васильеву показалось, что рухнул весь привычный для него мир. Он недоуменно перебирал в руках ваучеры, не совсем понимая, что ему с ними делать, слушал свистящее шипение жены, и в его пустой – впервые, наверное, – абсолютно пустой голове не рождалось ни одной мысли.

И вот тогда боль впервые начала поднимать голову. Но Васильев приказывал ей молчать и целыми днями бродил по городу в поисках работы. Но ему или ничего не предлагали, или давали в качестве зарплаты такие копейки, на которые прожить в Москве, да еще с семьей, было практически невозможно.

Как-то вернувшись вечером после неудачных поисков, Васильев нашел на кухне записку от жены. Он долго ничего не мог понять, а потом только, перечитав ее несколько раз, уяснил, что он остался совсем один.

Вместе с Лариской исчез польский мебельный гарнитур. И только огромный диван остался стоять посреди комнаты, напоминая о былом благополучии.

Вот тогда Васильев впервые напился. Напился сильно, до одури, до беспамятства. Хотя для этого пришлось ему три или четыре раза спускаться в ночной ларек, торгующий «паленой» водкой. Он лежал на диване, пьяный, беспомощный, жалкий, и вперемежку со словами каких-то песен из его горла вырывались громкие рыдания.

Каким и нашел его Петька Шмелев. Он долго мочил Васильеву голову под краном, вытирал мокрое лицо, как ребенку, говорил что-то ласковое и успокаивающее, до тех пор пока Васильев не забылся тяжелым беспокойным сном. Проснулся он от боли. Она забралась

ему в сердце и, сжимая его тяжелой рукой, не давала дышать, мяла, выворачивала, будто пытаюсь выдернуть наружу все его внутренности.

Петька, который так и не ушел домой, отпаивал друга чаем, сбегал в аптеку за валидолом, а когда уходил, предложил:

– Приходи ты, Вовка, к нам на рынок. Пока грузчиком, а там, может, и что-то получше выпадет. Пропадешь ведь с голоду да с тоски.

Васильев мотал головой, даже не пытаясь представить себя разгружающим ящики или грязные, пыльные мешки.

После ухода Лариски жизнь наступила тоскливая. Вечерами его никто не ждал, не звонил, как прежде, веселый Танюшкин голосок. Васильев знал, что живут они теперь в другом городе, но искать не пытался. Знал, что вот такой, безработный, полуниниш, он Лариске не нужен.

Васильев запустил жилье, редко вытирал пыль, посуду не мыл неделями. А потом наступил настоящий голод. Он продал в переходе метро свой ваучер и, стараясь подольше протянуть вырученные деньги, покупал себе только батон хлеба, молоко, иногда два яйца на ужин.

Когда деньги кончились и нужда взяла за глотку, Васильев пошел на рынок искать Петьку Шмелева. Нашел он его в мясных рядах. Бывший советский инженер Петр Алексеевич Шмелев ловко разрубал свиные туши, незаметно швыряя в бумажную коробку под прилавков приличные куски мяса.

Васильеву он искренне обрадовался. С сожалением глядя на исхудавшее лицо, запавшие глаза, покачал головой:

– Слышь, Володька, могут не взять в грузчики. Исхудал сильно. Не справишься.

Васильев ничего не ответил, только смотрел на Петьку жалобным горячным взглядом. Петька, махнув рукой, исчез куда-то, велел Васильеву ждать его здесь. Вернулся он скоро с вертким круглоголовым мужиком. Кот, стреляя из-под кепки хитрыми глазами, цепко осмотрел Васильева. Петька быстро сунул ему что-то в карман. Мужик кивнул.

Как Васильев начал работать на рынке. Жить, конечно, стало сытнее, но вот тоска не отпускала ни днем, ни ночью. Крутила, выворачивала наизнанку, подбрасывала навязчивые мысли. Бессонные ночи тянули жизненные соки. Коска накрыла Васильева с головой и взяла в соратницы себе изматывающую боль. С каждым днем работать становилось все тяжелее. Дрожали руки, ноги вдруг становились ватными и подкашивались, а лицо серело, приобретая неприятный землистый оттенок. Васильев, с трудом дождавшись короткого перерыва, отказывался от ходящего по кругу липкого стакана портвейна, ложился ничком на грязный топчан, сжимался от боли, подтягивая ноги к подбородку, и как ни пытался терпеть боль, из-под плотно сомкнутых глаз текли горячие слезы. Он сглатывал соленую влагу, стараясь всхлипывать бесшумно, а в голове проносился калейдоскоп прошлой счастливой жизни: маленький зеленый скверик, где он любил гулять с дочкой, гудящие цеха завода, старый альбом с фотографиями, который неизвестно куда затерялся и где хранились снимки прадеда, школьных и студенческих друзей.

Услышав окрик бригадира, Васильев с трудом поднимался с топчана, волоча ноги, шел за бригадой к месту разгрузки.

Петька навещал его часто, приносил куски мяса, совал в карман деньги. Он-то и выбил всеми правдами и неправдами для Васильева торговое место. Теперь Васильев торговал собачьим кормом, и хотя работа эта была легкой и необременительной, печаль и равнодушие в глазах Васильева отпугивали покупателей. Да и кому захочется купить что-то у мрачного, болезненного человека.

А болезнь наступала на Васильева все сильнее и сильнее. Иногда он не мог сделать и двух шагов. Горло внезапно перехватывало, он ловил ртом воздух, стараясь унять бешено

колотящееся сердце. Васильеву становилось все труднее справляться с физической болью, но еще более невыносимые страдания приносила и душевная. Васильев отказывался воспринимать окружающее, перестал общаться с соседями. Хотя он так любил со стариком Семенычем, который жил этажом ниже, поговорить о жизни. Семеныч вспоминал о войне, о тягестях фронта, о том, как ноют старые раны, а Васильев слушал и до слез жалел старика, который коротал свой век в забвении и полунущете. И даже с ней, с Ирочкой, Васильев перестал перебрасываться парочкой коротких фраз. Хотя раньше они частенько останавливались в подъезде, чтобы немного поговорить.

В больницу Васильева отвел Петька. Когда, переодевшись в больничную пижаму, Васильев вышел в коридор попрощаться, Петька, не сдержавшись, заплакал. Уж больно жалко смотрелся Васильев. Штаны пузырились на коленях, висели сзади мешком. Худые, жилистые руки выглядывали из рукавов куртки, а дряблая, морщинистая шея, казалось, едва удерживает на плечах седую голову, еще мгновение, и она сломается как спичка. Но больше всего угнетал затравленный взгляд, пустой, ничего не видящий, как бы направленный внутрь себя.

Петька долго не отпускал Васильева от себя, говорил что-то успокаивающее, как маленького гладил по голове. Когда Васильева позвала медсестра, он грустно кивнул Петьке и, шаркая тапками, пошел в палату. Как Петька и запомнил его: с низко опущенной головой, тихо бредущего по больничному коридору. Он все ждал, что Васильев посмотрит через плечо и, как прежде, улыбнется ему озорно и весело. Васильев не обернулся.

В палате он сразу лег, почти не ощущая сыроватого, серого на вид белья, отвернулся к стене, и опять калейдоскоп воспоминаний замелькал у Васильева: вот их с Лариской свадьба – собрался почти весь курс, много танцевали, пели под гитару, дурачились. Васильев так до конца вечера и не отпустил Ларискину руку, и любовь переполняла его так, что ему хотелось обнимать и целовать всех. А когда родилась Танюшка, он сам вставал к ней ночами, менял пеленки, подогревал кашу и каждую свободную минуту был готов находиться рядом с дочкой. Когда Танечка немного подросла, они втроем поехали на Валдай. Это было прекрасное время. Они привезли оттуда замечательный загар, кучу фотографий, и еще долго Васильеву снились и плеск прозрачной воды, и серебристый Танечкин смех, и пахнувший дымком чай, и большие Ларискины глаза, соблазнительно и призывно блестящие в темноте.

Уколы, что прописал ему доктор, оказались очень уж болезненными, и вскоре Васильев не мог даже лежать на спине. Сосед по палате советовал:

– Да сунь ты медсестре рублей сто, будет делать – не почувствуешь.

Васильев тихонько вздыхал. Деньги, которые незаметно положил ему в карман Петька, он потратил, иногда покупая себе еду в больничном буфете, балуя себя соками и плавлеными сырками, чтобы хоть чем-то заглушить вкус и запах больничной кормежки.

Васильев лежал в больнице всего один раз, еще в той, советской, жизни. У него нашли небольшую язву желудка, и заводская поликлиника выдала инженеру направление на лечение. Васильеву тогда в больнице все понравилось: и чистота в палатах, и улыбающиеся сестрички, серьезность, с которой подходили к лечению врачи. Помнится, его навестил генеральный директор завода и в ответ на смущенную улыбку Васильева начальственно пробасил:

– Ты, Владимир Иванович, не суетись. Мы хороших работников ценим. По твоим проектам, считай, целую линию на заводе обновили. Работает, да еще как эффективно. Как что ты о стране заботишься, а страна о тебе, – генеральный лукаво подмигнул все еще смущающемуся Васильеву, крепко пожал руку и вышел.

...Всю ночь боль не отпускала Васильева. Скребла за грудиной, со всего размаха била в сердце, стучала в висках. Васильев осторожно повернулся на правый бок, подтянул, как обычно, колени к подбородку. Вроде полегчало. Сумел даже перед утром забыться, чуть задремать. Но обычный день уже вступал в больничные коридоры. С шумом полилась вода

из крана, гулко ударяя в пустое ведро. Потом нянечка, шаркая тапками, громыхала этим ведром по коридору, размазывая тряпкой мокрые полосы по полу. Ходячие больные потянулись с чашками в столовую, каждый раз вздрагивая от грозного окрика нянечки:

– Ходють тут и ходють, грязь носят. Не лежится им, окаянным.

Васильев осторожно встал, умылся, вытерся несвежим полотенцем – белье не меняли уже третью неделю, – потянулся к кружке с чаем, да весь как-то обмяк, ослабел, с трудом опустился на подушку. Как и пролежал до обеда. Не было сил шевельнуть ни рукой, ни ногой. В обед в палату заглянул доктор, кивнул Васильеву:

– Вам необходима срочная операция. Картина вашего заболевания такова, что просто не терпит промедления. Если прооперируетесь, то пробегаете еще лет двадцать. Но хочу сразу предупредить – операция платная, денег стоит немалых. Но ведь у вас наверняка есть родственники, друзья. Обратитесь к спонсорам, наконец. Конечно, мы делаем такие операции и бесплатно, в порядке очереди, но ждать вам ее придется лет шесть, не меньше. К тому же можете и не успеть.

– Сколько? – хрипло выдавил из себя Васильев.

От услышанной суммы у него сразу заломило затылок, он закрыл глаза и увидел генерального директора, заводскую технологическую линию – его детище и изобретение. Перед глазами продолжали кружиться: Танечка, играющая его наградами, Лариска, стоящая посередине валдайского заливного луга, по пояс в цветущих травах, портрет Сталина, который висел в кабинете отца. Боль подняла голову и нагло ухмылялась.

Очнулся Васильев оттого, что сосед тряс его за плечо, протягивая стакан с водой. Доктора в палате уже не было.

От больницы до дома Васильев шел пешком. Идти было тяжело, подтаявший снег месился под ногами, сумка, в которой болтались старенькие тапки, оттягивала руку. Первое весеннее солнышко не грело еще, и только шаловливый лучик сумел дотянуться до небритой желтой щеки Васильева. Он впервые улыбнулся, улыбнулся грустно, одним уголком рта.

По дороге Васильев часто останавливался, присаживался на попадавшиеся мокрые скамейки, подолгу сидел, наблюдая за купавшимися в луже воробьями, за их шумной возней, стараясь вдохнуть в грудь как можно больше воздуха. Он старался ни о чем не думать, но мозг помимо его желания вел напряженную работу: сравнивал, анализировал, подводил итоги. И Васильев ужаснулся тому выводу, что сделало его подсознание. Он вдруг явственно понял, что случилось с ним, почему и кто в этом виноват. Он опять испугался, стараясь отогнать эту мысль.

Уже около подъезда своего дома он встретил Семеныча. Старик был чем-то расстроен, кривил рот, будто собираясь заплакать.

Васильев остановился и, с шумом вдыхая и выдыхая воздух, собрался было что-то сказать старику, но потом передумал и, покачиваясь, пошел к двери подъезда. Он с натугой открыл ее и, отдыхая на каждой ступеньке, стал подниматься в квартиру. Он было прилег на диван, но потом вдруг вспомнил, что у него сегодня день рождения и в такие дни Лариска всегда готовила что-то особенное и вкусное. Ему стало невыносимо тоскливо, он встал и, немного подумав, вышел. Едва не столкнувшись в дверях подъезда с Ириной, Васильев решил прийти к ней, а не сидеть одному в пустой квартире.

Ирина слушала его, подперев голову руками, и опять слезы катились у нее из глаз. Боже, ведь они живут рядом столько лет и ничегошеньки друг о друге не знают.

Он ушел от нее поздно, когда выговорился и вконец ослабел. Голова кружилась, и ноги немного подкашивались. Ирочка проводила его до двери, жалея, что ничем не может ему помочь. После ухода Васильева Ирина заплакала немного, потом допила оставшуюся в бутылке водку и легла спать. Все ее обиды, личные неприятности казались мелкими перед огромной бедой этого человека.

* * *

Дома Васильев сразу же лег. Ноги не держали его.

Васильев прикрыл глаза и сразу увидел себя совсем маленьким. Вот он идет с отцом в зоопарк, каждый раз прижимаясь к нему, когда они проходили мимо клеток со львом или медведем. А вот они уже втроем, вместе с мамой, в парке. Маленький Вова катается на каруселях и всякий раз, пролетая мимо родителей, машет им рукой и что-то весело кричит. А вот они все вместе едят мороженое. Вовка вымазал свой новый костюмчик, а отец почему-то не ругает его.

Васильев совсем близко увидел отцовские глаза. Он смотрит на сына ласково и нежно.

Неожиданно Васильев заплакал громко, навзрыд, как в детстве. Потом постепенно затих и уже не слышал, как кто-то звонил в дверь, звал его. Не видел и того, как в комнату вошел Петька, за ним семенил старик-сосед, робко выглядывала из-за их спин Ирочка.

– Слышь, – Семеныч робко тронул Петьку за рукав, – он тут давеча шел, сказать будто бы хотел что-то. Но сам шел, на своих ногах. А теперь вот... Отчего помер? Не знаешь?

– Знаю, – глухо откликнулся Петька и, опустившись на колени перед Васильевым, надолго затих.

Глава 9

Выскочив утром с мусорным ведром на лестничную площадку, Ирочка увидела, что дверь в соседскую квартиру настежь открыта. С замирающим сердцем, предчувствуя что-то нехорошее, она заглянула в квартиру. О боже, этого не может быть! Еще только вчера она сидела с этим человеком у себя на кухне, а сейчас... Она увидела остекленевшие глаза, заострившиеся черты лица, безжизненно висевшие руки. В комнате хлопотал какой-то мужчина.

– Сейчас «Скорая» приедет, – объявил он ей.

Ирочку затрясло, как в лихорадке. Она выскочила вон, залетела к себе, рванула с вешалки сумку.

Уже возвращаясь из магазина, она заметила около подъезда Костика. Он стоял, прилонившись плечом к двери, видимо, дожидаясь ее.

– Слушай, – кинулся он к Ирочке, – я никак не могу тебя застать. На звонки не отвечаешь, дома тебя нет постоянно. И с соседом твоим что-то случилось, смотрю «Скорая», милиция. Ирочка, ты же знаешь, как я за тебя беспокоюсь.

– Пойдем, – потянула его за рукав Ирина. Все равно не отстанет, да и дома одной страшно.

Костик послушно зашагал за ней. Раздеваясь в прихожей, он слышал, как она хлопала дверцами шкафа, доставала что-то из холодильника. Костик понял, что Ирочка чем-то расстроена, а это всегда кончается плачевно.

– Ирина... – предостерегающе произнес он, проходя на кухню.

– Помолчи! – зло выкрикнула она. – Не нравится – иди домой.

Костик обиженно засопел и тяжело опустился на стул.

– Будешь? – спросила Ирина, разливая водку по рюмкам.

– Еще только девять утра, – попытался остановить ее Костик. Но Ирина даже не взглянула на него, быстро выпила и сразу налила еще.

– Ты закусывай, Ирочка, закусывай, – Костик подал ей кусочек соленой рыбы.

Ирина опустошила рюмку и, глядя на него сухими глазами, зашептала горячо и бесвязно:

– Он был у меня, понимаешь, вчера сидел вот на этом самом месте. Мы разговаривали. Почему этого не случилось раньше? Он так нуждался в поддержке. Он был очень несчастный... А я... Теперь он умер. Как страшно, Господи. Где я была раньше?

– Ну при чем тут ты? – мягко проговорил Костик, стараясь успокоить Ирочку. – Ведь наверняка у него есть родственники, друзья.

– Какие родственники, – перебила его Ирочка, – нет у него никого. Жена бросила, родителей нет. Был один друг. Он-то ему и помогал. Но Васильев вчера пришел ко мне. Значит, ему нужен был еще кто-то, кто бы мог поддержать и в нужный момент быть рядом. И знаешь, он подарил мне иконку. Не так давно. Обыкновенная, дешевая, но почему Он так на меня смотрит?

– Кто? – Костик испугался, что Ирочка тронулась умом.

– Бог. Глядит на меня, словно пытается от чего-то предостеречь. Но ведь этого не может быть, правда?

Ирина дрожащими руками наполнила рюмку.

– Ирочка, – Костик попытался задержать ее руку. Она резко ударила его по ладони.

– Завтра выходной, у меня в запасе еще один день. Не мешай мне.

– Ирина, но ты же понимаешь, что так не решают проблемы. Как ничего не решают. Все это чревато очень большими и необратимыми последствиями.

– Хватит меня учить, – закричала Ирина, – давай вали отсюда. Без тебя знаю, что мне делать. И не забудь дверь за собой захлопнуть. Моралист.

Костик смотрел на перекошенное от злости Ирочкино лицо, некрасиво кривившийся большой рот, на трясущиеся руки, пьяные, полубезумные глаза, и ему стало страшно. Страшно за Ирочку, за ее будущее. Он понимал, что Ирочка нуждается в помощи не меньше этого Васильева. Но как помочь ей, когда она отвергает любые его попытки, не знал.

Медленно поднявшись, опустив плечи, Костик шаркающей походкой направился к выходу. В дверях обернулся.

– Ты не пей больше, я тебя очень прошу. Я зайду завтра. И вот еще что... поговори с Ним. С Богом... поговори...

Костик знал, что когда на Ирину наваливалась ее болезнь, она только пила, почти ничего не ела. Быстро пьянела, слабела и чувствовала себя ужасно.

Ирина, не глядя на него, наливала себе следующую рюмку.

...Дверь за Костиком давно захлопнулась, а Ирина все сидела за столом. Одна бутылка уже закончилась. Хорошо, что она предусмотрительно взяла несколько.

Она пила, не закусывая, и слезы катились из глаз, не переставая. Ирочка не вытирала их, а просто сидела, бездумно уставившись в стену, и тянула одну рюмку за другой. В голове не рождалось никаких мыслей, абсолютная пустота, только перед глазами стоял Васильев. Она ясно видела худое изможденное лицо соседа, запавшие, лихорадочно блестящие глаза, слегка подрагивающие руки.

Ирочка с трудом добралась до кровати, не раздеваясь, рухнула на подушки лицом вниз и тут же забылась тяжелым сном.

Утро началось для Ирочки ужасно. Впрочем, как обычно после вечерней попойки. Она проснулась рано, за незадернутыми занавесками еще стояла плотная тьма. По стеклам шуршал снег. Ирина с трудом оторвала голову от подушки и тут же откинулась обратно. Ее мутило. Дурнота наплывала, не желая отпустить. Кроме того, ее преследовало невыносимое чувство вины, стыда, жалости к себе. Ко, о чем она не могла думать вчера, вдруг навалилось на нее навязчивыми мыслями, которые без конца крутились в голове: «Я поссорилась с Павлом», «Я наорала на Костика и даже выгнала его вон», «Я опять напилась».

Ирочка застонала. Надо было встать, принять душ, позвонить Костику, но тело налилось такой тяжестью, что она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой.

Она открыла глаза и тут же зажмурилась: глазам было больно смотреть даже в темноте. Осторожно приподнявшись, Ирочка нащупала на полке картонку и поднесла к лицу. Он смотрел на нее, и вся земная любовь отражалась во взгляде Господа.

– Но как такое возможно? – прошептала Ирочка изумленно. – Это же просто бумага. И за что меня любить? За что? – стон сорвался с ее губ. А Господь продолжал взирать на нее с теплотой и мягкостью.

Ирочка пролежала еще около часа, борясь со страстным желанием выпить и прекратить эти мучения. Кажется, вчера она предусмотрительно оставила немного водки в бутылке.

– Скажи, Господи, ты можешь помочь мне? Хотя зачем мне помогать. У меня все хорошо, – голос Ирины дрожал от закипающих слез, – я снова обрела счастье, любовь. Не надо мне помощи.

Поставив иконку на место, Ирочка осторожно встала. В голове сразу застучало тяжелым молотом, виски заломило, а к горлу подкатила тошнота. Ирочка, держась за стену, тихонечко дошла до кухни, опустилась на стул.

«Боже, до чего я докатилась», – эта мысль приносила ей острое чувство безысходности. Как долго сможет она вести такую двойную жизнь: красивая, уверенная в себе женщина – на работе и полуопустившаяся алкоголичка – дома.

«Почему алкоголичка? – внутренне запротестовала Ирочка. – Я же не пью постоянно. И потом, ради Павла я смогу бросить». Конечно, она сильная. Просто вчера на нее слишком подействовал вначале разговор с соседом, а потом его внезапная смерть. Да и ссора с Павлом вздернула нервы. Хотя, что и говорить, она не должна пить, ни при каких обстоятельствах. Подумаешь, поссорилась с Павлом. Ведь не было никакой ссоры, просто Ирочка обиделась на него. Все это глупости. Сама во всем виновата, слишком рано завела разговор о его жене. Встречаются ведь всего без году неделя, а она уже решила предъявить на него свои права. Какому мужику это понравится. Мужчины любят независимость и свободу. Да, она перегнула палку, сдали нервы. Вот и сорвалась, выпила, но это только для того, чтобы снять стресс. Васильев рассказывал такие ужасные вещи. Жалко соседа. Пусть земля ему будет пухом. Или что там говорят в таких случаях? А с Павлом они обязательно помирятся, и у Ирины не будет необходимости смотреть в рюмку. Как что все еще образуется, это не конец.

Повеселев, Ирочка решительно убрала бутылку за шкаф. Вылить содержимое в раковину у нее просто не поднималась рука. «Я просто-напросто забуду о ней», – решила она.

С трудом двигаясь от разламывающей боли в голове, Ирина убрала со стола грязную посуду, приняла ледяной душ, выпила таблетку цитрамона. Потом разобрала постель и нырнула под одеяло.

Сон не шел, и она промучилась, ворочаясь с боку на бок, до тех пор, пока утренний свет не забрезжил в окна. Лежать больше не было сил, Ирина прошлепала на кухню, напилась холодной воды прямо из-под крана. Голова оставалась невероятно тяжелой и будто бы существовала отдельно от тела. Присев у окна, Ирочка долго сидела, смотрела на медленно порхающий снег, на редких прохожих, пробегающих куда-то по своим делам, на холодное солнце, изредка проглядывающее сквозь тучи. Пронзительно прозвучал звонок. Кто-то настойчиво звонил в дверь. Вздохнув, Ирина поплелась открывать.

На пороге стоял... Павел. Голова виновато опущена, в руке букет цветов. Но глаза из-под опущенных ресниц блеснули озорно и весело.

– Дорогая, пришел с повинной, – он схватил ее в охапку и принялся целовать в глаза, в нос, в пушистые пряди волос на висках, без конца повторяя:

– Прости, прости, прости.

Плача и смеясь одновременно, Ирочка потащила Павла в комнату, а он шутливо сопротивлялся, дурачился, порывался встать на колени. Ирина легонько стучала его по плечам, пытаясь сделать сердитое лицо. Павел, подхватив ее на руки, понес в комнату. Перемирие было полное. Почувствовав его сильные руки, уверенные движения, Ирина забыла обо всем на свете. Она с обожанием смотрела на Павла, растягивая в довольной улыбке рот.

Их мирное чаепитие на кухне было нарушено появлением Костика. Оказывается, Ирина забыла закрыть дверь, и Костик, волнуясь за нее, забежал проведать. Виновато щурясь, он смотрел на Ирину тоскливым взглядом, стараясь не замечать ее счастливого выражения лица. Все трое испытывали неловкость, разговор не клеился. Молча попили чай, изредка перебрасываясь ничего не значащими фразами: о погоде, о рано установившихся морозах, о предстоящих новогодних праздниках.

Немного посидев, Костик распрощался. Павел тоже засобирался. Ирочка не обиделась, понимала: выходной день, семья. Он, конечно, должен быть там. Павел и так провел с ней достаточно времени сегодня. Но когда она наблюдала за тем, как Павел собирается, у Ирочки в душе отчего-то закипали слезы, и тоска сжимала сердце, мешая дышать. Она вдруг ясно осознала, что мама права, и если их отношения с Павлом будут продолжаться, то все ее мечты о собственной семье и светловолосом мальчугане пойдут прахом. Павел вряд ли захочет развестись с женой ради нее. Тихое семейное счастье – все то, о чем она мечтала столько лет, так никогда и не придет к ней. Ее надежды рушатся, как старый ветхий дом. И виновата в этом она сама. Ирочка понимала это, но поделать с собой ничего не могла. Павел был как

наваждение, ей хотелось, чтобы он был рядом с ней, хотя бы вот так как сегодня – всего чуть-чуть, несколько часов, но рядом.

Глава 10

На следующий день Ирине пришлось отпроситься с работы. С утра к ней зашел Петр, друг Васильева. Сообщил, что похороны сегодня, просил, чтобы она пришла.

– Не было у него никого. Лариска, жена, я не знаю где, да и искать не собираюсь. Стерва. Хотя надо бы сообщить. Дочь должна знать, что отца не стало. Но... – Петр развел руками. – Вы уж приходите. Еще Семеныч будет, с первого этажа. Да я.

Ирочка не могла отказать. Она позвонила Павлу и осталась на похороны.

Как и предполагал Петр, Васильева в последний путь провожали всего несколько человек: Ирина, старенький сосед с первого этажа, да были еще три мужика с рынка. Порхал редкий снег, знобкий ветер пробирал до костей, и у Ирочки зуб на зуб не попадал. На мертвого Васильева она старалась не смотреть, боясь, что начнет рыдать в голос. Петр сказал несколько скупых слов, без конца вытирая глаза. Наклонившись, поцеловал Васильева в лоб, пристроив на его груди маленькую иконку.

– Батюшка так велел, – проговорил он, ни к кому не обращаясь.

Могильщики быстро и умело делали свое дело. На холмик одиноко легли четыре Ирочкины гвоздики.

Поминали Васильева скромно. Петр купил немудреной закуски да несколько бутылок водки. Ирочка пить отказалась, да никто особо и не настаивал. Присутствующие быстро выпили, закусили и разошлись, помянув, как водится, добрым словом покойника.

Вся следующая неделя оказалась очень загруженной. Близился конец года, необходимо было выезжать в школы для оказания методической помощи, кроме того, как всегда, накопились горы бумажной работы: заполнение различных журналов, приведение в порядок папок с документацией, написание отчетов и ответы на различные письма.

За последнее время Ирочка еще больше сблизилась с Павлом. У Ирины плыла голова, когда, проходя мимо ее стола, Митрофанов как бы ненароком дотрагивался до ее плеча или касался волос, а то просто весело подмигивал или смешно морщил нос. Он часто вызывал Ирину к себе в кабинет, делая при этом строгое лицо, но за дверью тут же обнимал ее и принимался целовать.

Валентина Игоревна недовольно косилась, а Лида, улыбаясь, слегка презрительно как-то сказала ей:

– Держись, особо не влюбляйся. Он бабник еще тот. Увидит новую смазливую штучку и бросит тебя. Даже глазом не моргнет. А уж штучек этих развелось, я тебе скажу, немерено. Как что удачи.

Ирина была благодарна Лиде за поддержку. Но хорошо говорить «держись», а вот как это сделать, когда от одного его взгляда сердце падало куда-то вниз и все клятвы и торжественные обещания «держаться», которые она давала сама себе, тут же вылетали из головы.

Павел приезжал к ней домой по пятницам и обычно задерживался допоздна.

Ради этих пятниц Ирочка была готова терпеть все длинные скучные зимние вечера и, главное, тянувшиеся особенно долго выходные. В эти дни она подолгу гуляла, часто забредая к художникам. Они уже узнавали ее, приветствуя поднятыми вверх руками, а Вадим открыто радовался. Бородач брал ее за руку и вел к своему мольберту, предлагая оценить очередную картину. Иногда они работали вместе. Вадим предлагал Ирочке закончить этюд, нанося последние штрихи, или, наоборот, начать картину, прорисовать фон. Это был прекрасный тандем. Они тонко чувствовали, что каждый из них хотел выразить в картине, и, как правило, акварели получались удивительными по схожести и манере письма, настроения, тематике.

Вадим заказал рамку к их первой совместной работе. Кой самой, где мрачность тяжелых грозowych туч пронзает тоненький солнечный лучик надежды. Картина была выставлена на продажу тут же, в этом маленьком скверике, и иногда прохожие с интересом бросали на нее взгляды.

В один из дней Ирочку пригласила к себе Лида. И Ирочка, купив торт, поехала к ней в Выхино. Лида жила одна в маленькой квартирке. Несмотря на веселый нрав и дружелюбный характер, подруг у нее было немного.

– Привязываюсь быстро, – пояснила она Ирине, когда та спросила, почему Лида не обзавелась друзьями. – А друзья, к сожалению, имеют обыкновение предавать.

– Но не все же, – возразила Ирина.

– Согласна, – уже спокойней ответила Лида, – но мне такие не попадались. А теперь уже и не ищу. Хватает подружек, с которыми можно мило поболтать и разбежаться.

Приходу Ирины она по-настоящему обрадовалась. Они закатили настоящий пир. Лида наготовила кучу изумительно вкусных блюд. Как все полные люди, она любила не только много и сытно поесть, но и хорошо готовила.

– Ты знаешь, – призналась Лида, подкладывая себе уже в третий раз какой-то экзотический салат, – я столько раз пыталась худеть! Сидела на разных диетах, проглотила кучу таблеток, ходила в спортзал – ну ничего меня не берет. Похудею килограмма на три, а потом тут же наберу в два раза больше. Потом махнула я на это дело рукой. Кому надо – и такую полюбят.

Но по тому, как грустно она это сказала, Ирочка поняла, что с любовью у Лиды дела обстоят так же, как и с диетой.

– Обязательно полюбят, – попыталась поддержать ее Ирочка, но, сама почувствовав, насколько фальшиво прозвучали ее слова, смущенно замолчала.

Лида махнула рукой.

– Я не беру в голову, стараюсь об этом не думать. Хотя порой от одиночества волком хочется выть. Но, знаешь, мне все время попадаются такие экземпляры, что уж лучше одной немного на луну повыть, чем потом всю жизнь с таким идиотом нервы портить. А жить ради постели я не могу. И с женатиками не могу, ты уж прости. Ой, – встрепенулась Лида, взглянув на помрачневшую Ирочку, – что это я совсем забыла. У меня же обалденное вино есть. Приятельница из Венгрии привезла. Говорит, не вино – прелесть.

Тук, тук, уже привычно зазвенел в голове у Ирочки молоточек. Но как отказаться? Сказать, что совсем не пью, – начнутся расспросы: что да как, или болееешь чем. А если не хочешь выпить именно сейчас, то опять почему. Нет, отказываться нельзя. Лида просто завалит ее вопросами. А интуиция у Лиды будь здоров, может и догадаться что почем. В этом Ирина уже не раз убеждалась.

Подружки выпили по бокалу вина. Ирочке не понравилось – слишком терпкое. Она вообще вино не любила, предпочитала водку, но здесь слукавила:

– Действительно, здоровское.

О Павле в этот вечер они не говорили. Лида ни о чем не расспрашивала, а Ирочка считала, что лучше молчать. Да тут и так все было ясно. Порвать отношения с Митрофановым Ирочка уже не сможет, а вот насколько его хватит, это вопрос.

Ирина видела, что во взглядах Лиды, которые она иногда на нее бросала, проскальзывали жалость и презрение. Лида работала с Митрофановым давно, о многих его похождениях знала, о некоторых догадывалась и в некрасивой развязке их с Ирочкой любовного романа почти не сомневалась. Жена не выпустит Павла из своих рук, да и скандал Ирине обеспечен. Это уже бывало не раз. А ради своего благополучия и теплого местечка переступит Митрофанов через Ирочку, не задумываясь, и, не оглядываясь, пойдет дальше.

Этот печальный финал давно уже сложился в Лидиной голове, словно красочный пасьянс, но больше предупреждать об этом Ирину она не хотела. Сколько можно? И потом, в конце концов, у каждого есть право выбора. Со временем Ирина поймет, что сделала неверный шаг. А пока женщины мирно болтали, уютно устроившись на Лидиной крохотной кухоньке. Перемывали косточки знаменитостям, обсуждая пикантные подробности из их жизни. Считали, сколько у кого было жен или мужей, кого бросили любовники, с удовольствием злорадствовали над их неудавшимися жизнями и карьерами. И были вполне счастливы в этом своем мирке, ограниченном квадратными метрами кухни, терпким невкусным вином, обилием закуски и даже неустроенностью в своей личной жизни. О ней, об этой неустроенности, как-то сейчас не думалось, а на фоне чужих неудач свои собственные выглядели мелкими и незначительными.

За окном быстро темнело, и Ирочка заторопилась домой. Как ни хорошо ей было, но все-таки не очень она любила такие посиделки. Привыкла больше одна.

Ирина едва успела на последний автобус и, пока добиралась до дома, ужасно замерзла и устала. Завтра начиналась новая неделя с бесконечными вечерами и ожиданиями редких звонков от Павла, его визитов по пятницам и скучных длинных выходных.

По дороге Ирина завернула в магазин. Вино ударило в голову, захотелось еще выпить. И хотя внутренний голос предупреждал Ирочку о нежелательных последствиях, она отмахнулась.

Дома, как обычно, устроилась на кухне. Есть не хотелось, Лидуся накормила от души. Ирочка достала только кусок пирога. Мама пекла накануне и привезла дочери. Прежде чем выпить, на мгновение задумалась: «Вообще-то нехорошо все это. Ко, что вот так сижу одна, выпиваю, и то, что все чаще тянет меня к выпивке, тоже нехорошо. Не должно быть так. Что скажет мама, отец? И перед Костиком неудобно. А если Павел обо всем узнает?» Но интересно, кто нашептывает ей эти мысли? Усмехнувшись, Ирочка вступила в спор с собой, выдвигая неопровержимые аргументы в свою защиту. Подумаешь, ей просто легче, после того как она выпьет. В голове пустота, и на душе не так мутно.

Ирочка откусила кусок пирога, пытаясь перебить резкий вкус водки, потом сразу же налила еще. «Может быть, хватит?» – подумалось ей, но рука уже тянулась к рюмке.

Выпив, Ирина задумалась. В который раз, хотя и гнала эти мысли, она пыталась понять, что это: болезнь или просто душевная неустроенность, и она сможет в любой момент остановиться. «Наверное, не смогу, – на мгновение промелькнуло у нее в голове, но Ирина тут же мысленно начала защищать и оправдывать себя: – Алкоголики, они вон какие: грязные, неухоженные, со страшными лицами».

Выскочив в коридор и несколько мгновений полюбовавшись на свое отражение в зеркале, Ирочка удовлетворенно хмыкнула и, возвратившись на кухню, плеснула водки в рюмку. На мгновение задержала стопку в воздухе, потом одним махом выпила, сунула в рот крошку пирога. Потом посидела немного, бессмысленно глядя в стену, и пошла спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.